

**А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ
Ф.Л. СИНИЦЫН
С.Ю. КОНДРАТЕНКО
М.В. МЕДВЕДЕВ**

ИНОСТРАННЫЕ ВОЙСКА, СОЗДАННЫЕ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ДЛЯ БОРЬБЫ С НАЦИЗМОМ

**ПОЛИТИКА. ДИПЛОМАТИЯ. ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
1941—1945 гг.**

Новейшие исследования по истории России

Алексей Безугольный

**Иностранные войска, созданные
Советским Союзом для борьбы с
нацизмом. Политика. Дипломатия.
Военное строительство. 1941—1945**

«Центрполиграф»

2024

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

Безугольный А. Ю.

Иностранные войска, созданные Советским Союзом для борьбы с нацизмом. Политика. Дипломатия. Военное строительство. 1941—1945 / А. Ю. Безугольный — «Центрполиграф», 2024 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-10535-6

В работе проанализированы усилия Советского Союза по формированию союзнических армий на советско-германском фронте еще до открытия второго фронта американскими, британскими и канадскими войсками в Нормандии в июне 1944 г. Их комплектование осуществлялось за счет контингентов иностранцев, по разным причинам оказавшихся в СССР (политические эмигранты, военнопленные, интернированные, административно выселенные ит.д.), а в случае их нехватки — за счет советских граждан, родственников титульным этносам иностранных частей. В работе показаны сложности организационного строительства иностранных войск и взаимоотношений с иностранными контрагентами (правительствами в изгнании, военными миссиями, общественно-политическими организациями, представлявшими свои страны), учитывая исторический и политический контекст, в котором реализовывалось данное начинание. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-227-10535-6

© Безугольный А. Ю., 2024

© Центрполиграф, 2024

Содержание

Введение	7
Часть первая	10
Глава 1	10
Изучение проблемы до 1991 г	10
Современная российская историография	12
Современная зарубежная историография	16
Глава 2	24
Часть вторая	28
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Алексей Юрьевич Безугольный,
Федор Леонидович Сеницын,
Сергей Юрьевич Кондратенко,
Максим Валерьевич Медведев
Иностранные войска, созданные
Советским Союзом для борьбы с нацизмом**

© Безугольный А.Ю., Сеницын Ф.Л., Кондратенко С.Ю., Медведев М.В., 2024

© «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2024

Введение

Традицию формирования войск, укомплектованных иностранцами, можно встретить в любую историческую эпоху и едва ли не в любой армии мира. Причины этого явления могли быть самыми разными – от нехватки собственных людских ресурсов до стремления подорвать моральный дух противника, используя в своих целях бывших солдат его армии. Так же разнообразны были и формы комплектования иностранных войск: наем за деньги и иные материальные блага, вербовка добровольцев, принудительный призыв. Императорская Россия, затем Советская Россия и Советский Союз не составили в этом отношении исключения и дают богатый исторический материал для анализа.

Из опыта царской России нас интересует прежде всего период Первой мировой войны, поскольку она дала первый пример массового формирования воинских частей, укомплектованных военнопленными, в последующем широко распространившийся на бескрайних фронтах Гражданской войны, а затем использованный в период Великой Отечественной войны. Аналогичный опыт имели армии других государств, участвовавших в глобальных военных конфликтах первой половины XX в. Применение современного смертоносного оружия и громадные потери воюющих сторон сделали иностранные формирования существенным, хотя качественно и неравноценным дополнением национальных армий. Если прибавить крайнюю политизацию и ожесточение войн этого периода, включение пропаганды в арсенал эффективных средств воздействия на противника и собственные войска и население, то становится понятным, что появление иностранных войск на фронтах войн первой половины XX в. было неизбежным.

В годы Великой Отечественной войны представители десятков этносов воевали плечом к плечу, отражая агрессию германских захватчиков и их сателлитов. В одном строю с частями Красной армии стояли формирования, созданные специально из числа граждан иностранных государств.

В историографии нет единого мнения об этом типе воинских формирований. В советский период они изучались под вполне определенным идеологическим углом, ведь именно от них отсчитывали свое начало армии Варшавского блока. Это накладывало свой отпечаток на качество работ, чьей главной задачей была демонстрация «боевого братства» СССР с восточноевропейскими народами. Достижения современной российской историографии в этом вопросе весьма скромны, хотя тема, несомненно, представляет научный интерес – хотя бы по той причине, что в строительстве иностранных воинских формирований в концентрированном виде выразилась вполне успешная советская политика «мягкой силы», позволившая СССР распространить свое военно-политическое влияние на Восточную Европу. В современной восточноевропейской литературе формирование воинских частей из иностранных граждан на территории Советского Союза нередко оценивается как курс советского правительства на создание «коллорабационистских частей», подобно тому как это делала гитлеровская Германия¹.

В советской делопроизводственной документации под иностранными имелись в виду те воинские формирования, личный состав которых по признаку гражданства (подданства) или национальности представлял народы, чей основной этнический массив находился за пределами СССР (так называемые «несоветские народы»). Отсюда – наименование «иностранцы», отличающее их от другого широко распространенного типа воинских формирований – «национальных». Последние комплектовались тоже по моноэтническому принципу, но уже советскими гражданами, представлявшими этносы, чей этнический ареал лежал в границах СССР.

¹ Подробный анализ имеющейся по теме научной литературы представлен ниже.

До сих пор внимание историков было сосредоточено на боевых действиях иностранных формирований. Такой взгляд представляется односторонним и плоским при изучении любого воинского формирования, а в случае с иностранными войсками СССР он совсем недопустим, поскольку изначально их функции были значительно шире: кроме собственно своего боевого предназначения, иностранные формирования осуществляли политическую демонстрацию военного союза с Советским Союзом и со всем антигитлеровским блоком. Реализация этой функции чаще всего определяла особенности организации, комплектования и боевого применения иностранных формирований. То есть речь идет о том, что иностранные формирования в СССР создавались прежде всего с политической целью, и этой цели было подчинено все их существование. Исходя из этой посылки в данной работе речь будет идти прежде всего о политических, дипломатических, социальных, этнических аспектах их формирования и комплектования личным составом. Боевые эпизоды будут привлекаться к исследованию лишь в той мере, в какой они будут способствовать раскрытию вышеперечисленных аспектов. Именно этот акцент, на наш взгляд, позволяет понять иностранные формирования как особый феномен военного строительства в СССР в годы Великой Отечественной войны. Следует отметить, что для единого понимания картины использования иностранных войск советским командованием в ряде сюжетов нам пришлось выйти за заявленные рамки изучения лишь иностранных частей, специально сформированных Советским Союзом. В конце войны на правах победителя СССР разворачивал для военных действий против нацистской Германии целые национальные армии, еще недавно союзные Гитлеру (румынскую, болгарскую). В данном случае действовали те же политические принципы и подходы, что и с частями, создававшимися на территории Советского Союза.

В целом военный, дипломатический и политический опыт широкомасштабного формирования, укомплектования, боевого использования и политико-идеологического позиционирования иностранных войск, предпринятый Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны, представляется вполне успешным и заслуживающим внимания современных историков, а также органов государственной власти и военного ведомства. Научный анализ и историческая оценка этого опыта даны в этой книге.

Книга состоит из четырех частей, первая из которых посвящена анализу историографии темы и обзору источников. Исследование советской политики строительства иностранных воинских формирований представлено в последующих трех частях книги, отражающих три идеологических, политических и организационных подхода советских властей и органов военного управления в области иностранных военных формирований. Во второй и третьей частях исследования рассмотрены воинские формирования из этносов, представлявших покоренные и оккупированные нацистской Германией страны (соответственно, славянские и неславянские). В четвертой – рассмотрены подходы к формированиям из этносов, представлявших враждебные и/или воюющие с СССР страны.

Предметом исследования стали только реализованные проекты иностранных формирований. Поэтому за его пределами остались некоторые наработки в отношении немецких, итальянских, финских военнопленных. Они так и остались замыслами. Поскольку в книге речь идет о строительстве союзных иностранных войск для борьбы с гитлеровской Германией, то в ней также не рассматриваются некоторые удачные опыты по этой части, предпринятые в годы войны на Дальнем Востоке.

Авторы выражают благодарность Российскому научному фонду за финансирование исследования, положенного в основу книги, коллегам-историкам Милане Живанович, Д.А. Плужникову и А.Д. Рогатых, сотрудникам Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Центрального архива Министерства обороны РФ и научной библиотеки Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Гене-

рального штаба Вооруженных сил РФ за содействие в поиске материалов, использованных для работы над книгой.

Часть первая

История изучения иностранных формирований в СССР и источники по теме

Глава 1

Между «боевым содружеством» и «национал-предательством»: иностранные формирования в поисках своего места в историографии

Изучение проблемы до 1991 г

В советский период исследование иностранных формирований на территории СССР велось достаточно интенсивно, ведь именно от них отсчитывали свою историю национальные («народные») армии ряда социалистических стран Варшавского блока, а многие участники иностранных формирований заняли самые высокие руководящие посты в своих странах и армиях, вплоть до должностей президента и министра обороны. Однако именно в силу этого обстоятельства тема была зажата в идеологические тиски, а исторические исследования чаще всего оказывались выхолощенными, нацеленными лишь на иллюстрацию «братской боевой дружбы» между советским и восточноевропейскими народами. Исследований обобщающего характера, в которых бы предлагался общий анализ феномена иностранных формирований в СССР в годы Великой Отечественной войны, предпринято немного². Среди них особо следует выделить диссертацию И.И. Шинкарева (1966 г.)³, подготовленную в Институте военной истории МО СССР на основе изучения закрытых в тот период архивных источников. Диссертант не только проанализировал формирование иностранных войск, представлявших различные европейские государства, но и изучил организационные усилия советских органов власти (Государственный Комитет Обороны, Совет народных комиссаров СССР) и военных органов управления (Генеральный штаб Красной армии, главные управления НКО, Уполномоченный по иностранным формированиям) по созданию и развитию иностранных формирований. Однако и после рассекретивания в начале 1990-х гг. эта высококачественная работа оставалась неизвестной специалистам.

Тематика иностранных формирований отражена также в литературе, посвященной истории отдельных стран Восточной и Южной Европы и их вооруженных сил во Второй мировой войне⁴. Ключевое внимание авторы этих работ уделяли организаторской роли национальных коммунистических партий в создании войсковых формирований и организации отпора окку-

² Семияга М.И. Формирование иностранных воинских частей на территории СССР в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 54–69; Зарождение народных армий стран – участниц Варшавского договора. 1941–1949. М., 1971; Якубовский И.И. Боевое содружество. М., 1971; Мошин М.Е. Содружество, рожденное в боях. М., 1971; Боевое содружество советского и польского народов. М., 1973.

³ Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.

⁴ В данной работе используется современная страноведческая региональная классификация Статистического отдела ООН, согласно которой Болгария, Польша, Румыния, Словакия и Чехия относятся к Восточной Европе, государства, прежде входившие в состав Югославии, – к Южной Европе, Франция и Норвегия – соответственно, к Западной и Северной Европе (см.: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (дата обращения: 19.05.2023)).

пантам⁵. Одновременно всячески критиковались «буржуазные» эмигрантские правительства Чехословакии, Польши, которые, как утверждалось, лишь саботировали «активную борьбу против... захватчиков»⁶. Среди работ советского периода следует выделить книгу А.Н. Ратникова, в которой раскрыты вопросы комплектования и формирования югославских воинских частей, в том числе авиационных эскадрилий и танковой бригады, обучения югославских военнослужащих в СССР, отправки советских инструкторов в Народно-освободительную армию Югославии⁷. В монографии Н.С. Держалюка рассмотрены особенности работы советских политорганов с венгерскими военнопленными и формирования среди них антифашистского актива⁸. Боевому пути французской авиационной части «Нормандия», описанию подвигов французских пилотов и боевому содружеству французских летчиков и советских техников были посвящены специальные публикации⁹. Работа Р.Т. Абловой посвящена различным аспектам сотрудничества советской и болгарской стороны в конце войны, в том числе – вопросам реорганизации болгарской армии, проведенной усилиями советского военного ведомства¹⁰.

В работах, посвященных роли Советского Союза в освобождении стран Восточной и Южной Европы в годы Великой Отечественной войны¹¹, кратко анализируется процесс создания добровольческих формирований в контексте внутри- и внешнеполитического положения в этих странах.

Несмотря на определенные достижения, в советской историографии осталось много лакун, касающихся темы данного исследования. Обстоятельства формирования и боевой путь иностранных войск, сформированных в СССР, мифологизировались по политическим причинам, при этом освещение неудобных вопросов замалчивалось или искажалось.

В фарватере советской историографии следовали и работы из социалистических стран Восточной и Южной Европы¹², хотя на исторические оценки оказывали влияние перипетии двусторонних отношений, например многолетняя напряженность между СССР и Югославией, в связи с чем с подачи лидера страны И.Б. Тито была поставлена под сомнение роль Красной армии как главной силы в освобождении страны от оккупантов¹³.

Историки социалистических стран сделали многое, чтобы на местной источниковой базе изучить особенности формирования, комплектования и боевого пути «своих» воинских частей и соединений и другие вопросы военного сотрудничества с Советским Союзом. Так, в 1959–1961 гг. в Праге был издан фундаментальный трехтомный труд «За свободу Чехословакии: Главы из истории чехословацкой воинской части в СССР во время Второй мировой войны», в котором рассмотрены различные аспекты создания и боевого применения чехословацких

⁵ Марченко А.Д. Содружество советских и чехословацких воинов в боях за освобождение территории СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 6.

⁶ Зарождение народных армий... С. 56.

⁷ Ратников А.Н. В борьбе с фашизмом: о совместных боевых действиях советских и югославских войск в годы Второй мировой войны. М., 1974. С. 108–112.

⁸ Держалюк Н.С. Венгерские интернационалисты в Великой Отечественной войне. Киев, 1985.

⁹ Лукашин В.И. Против общего врага. М., 1976; Шестерин Ф. Боевое содружество советских и французских летчиков в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1960. № 3. С. 43–52; Добровольский П. Дружба, рожденная в боях // Военно-исторический журнал. 1973. № 4. С. 93–95 и др.

¹⁰ Аблова Р.Т. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941–1945 гг.). М., 1973.

¹¹ Освободительная миссия советских вооруженных сил во Второй мировой войне. М., 1971; Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне. М., 1972; Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941–1945 гг. М., 1978 и др.

¹² Anusiewicz M. Ludowe Wojsko Polskie; historia i dzieńT dzisiejszy. Warszawa, 1973; Приносят на българския народ за разгрома на фашистка Германия. София, 1964; Lipin,ski J. Ludowe Wojsko Polskie. Warszaw, 1965; Brzezin,ski S., Majewski R., Witk H. Wyższa Szkoła Oficerska Wojsk Zmechanizowanych im. Tadeusza KosTciuszki 1943–1983. Warszawa, 1984; Komorowski K. Regularne jednostki Ludowego Wojska Polskiego. Warszawa, 1987.

¹³ Тимофеев А.Ю. Русский фактор: Вторая мировая война в Югославии, 1941–1945. М., 2010. С. 245.

формирований¹⁴. Румынские историки уделили внимание участию дивизии «Тудор Владимиреску» и румынской армии в боевых действиях против Германии и союзной ей Венгрии на завершающем этапе Великой Отечественной войны, когда Румыния перешла на сторону антигитлеровской коалиции¹⁵. В Югославии вышел целый ряд исследований, посвященных вопросам создания югославских авиационных частей в СССР, обучению югославских летчиков в советских военных учебных заведениях¹⁶, о 1-й югославской пехотной бригаде, 2-й танковой бригаде и обучении югославских военнослужащих на территории СССР¹⁷.

Современная российская историография

В целом нельзя назвать интерес к тематике иностранных формирований в СССР в современной исторической науке напряженным и устойчивым. Публикуются отдельные монографии и статьи, защищаются диссертации, однако обобщающего взгляда на проблему, основанного на современной методологии и радикально расширившейся документальной базе, российская наука пока не предложила.

Польские формирования. Несмотря на высокий интерес к истории советско-польских отношений в период войны, отечественная литература по истории формирования польских частей на территории СССР немногочисленна.

Первый всплеск интереса к теме отмечается на рубеже 1980—1990-х гг.¹⁸, когда стала востребована прежде табуированная история армии генерала В. Андерса, сформированной на территории СССР (1941–1942). Этой армии и самому генералу было посвящено несколько статей¹⁹. Историческое значение его войска оценивается в российской историографии невысоко: после политического маневра, связанного с эвакуацией польской армии из СССР в 1942 г., «ее участие в боевых действиях в период Второй мировой войны ограничилось мелкими стычками и несением караульной службы при британских вооруженных силах в Северной Африке и затем в Италии»²⁰. В дальнейшем ни Андерс, ни его подчиненные не смогли вернуться на родину.

Следует отметить качественную работу рязанских краеведов В. Филиппова и Г. Ларина «Против общего врага. Советские воины в Войске Польском»²¹. Авторы охватывают широкий круг вопросов, связанных не только со службой советских офицеров в этом войске, но и с формированием, боевым применением польских войск в течение всей войны (включая армии В. Андерса, З. Берлинга и Войско польское). Большая часть книги носит характер справочника по всем родам войск и воинским частям Войска польского, его высшему и старшему командному составу, системе награждений и т. д., и в этом состоит ее основная ценность. Книга богато иллюстрирована фотоматериалами из коллекции авторов.

¹⁴ Za svobodu Československa: Kapitoly z dějin Československé vojenské jednotky v SSSR za Druhý světový váleky. Sv. 1: Za svobodu Československa. Praha, 1959; Za svobodu Československa. Sv. 2: Brána svobody. Praha, 1961; Za svobodu Československa. Sv. 3: Svoboda se grodila v boji. Praha, 1960.

¹⁵ România on anii celui de-al Doilea Război Mondial. Vol. 1, 3. București, 1989; Faur V., Giuran V.A. Documente privind contribuția Diviziei «Tudor Vladimirescu» la eliberarea Bihorului (I) // Crisia. Muzeul Tarii Crisurilo. XV. 1985. P. 255–273; и др.

¹⁶ Lazarevic, B. Vazduhoplovstvo u narodnooslobodilačkom ratu 1941–1945. Beograd, 1972.

¹⁷ Вргович С. Партизанскими тропами. М., 1977; Petranovic, B., Dautovic, S. Jugoslovenska revolucija i SSSR: 1941–1945. Beograd, 1988; Popovic, N.B. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd, 1988.

¹⁸ Парсаданова В.С. Армия Андерса на территории СССР (1941–1942) // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 173–192; Лебедева Н.С. Сталин, Сикорский, Андерс и другие // Международная жизнь. 1990. № 12. С. 123–140; Прибылов В.И. Почему ушла армия Андерса? // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 29–38.

¹⁹ Заец С.В. Советско-польский военный союз // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 6. С. 22–26; Иванов Ю.В. Польская армия генерала В. Андерса в СССР (август 1941 – август 1942 года) // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 52–58.

²⁰ Иванов Ю.В. Указ. соч. С. 58.

²¹ Филиппов В., Ларин Г. Против общего врага. Советские воины в Войске Польском 1943–1968 гг. Рязань, 2021.

Интерес представляют две статьи А.А. Здановича, опубликованные в «Военно-историческом журнале», которые посвящены истории формирования польской армии В. Андерса²² и частей под командованием З. Берлинга (в последующем – Войска польского)²³. Автор выявил и проанализировал комплекс труднодоступных для исследователей материалов НКВД – НКГБ, хранящихся в Центральном архиве ФСБ, раскрыл участие советских спецслужб в инициировании и развитии просоветских польских политических организаций на территории СССР, от имени которых формировались польские войсковые части. Автор пришел к выводу, что большинство ключевых инициатив, связанных с определением параметров строительства польских войск, подбором командного состава, политико-пропагандистским обеспечением формирований принадлежит именно советским органам госбезопасности. Следует отметить, что А.А. Зданович доводит свое исследование приблизительно до рубежа 1943–1944 гг., тогда как наибольшего размаха строительство польских войск достигло в 1944–1945 гг.

Отметим также единственную на русском языке биографическую статью о командующем 1-й польской армией З. Берлинге, опубликованную А.Ф. Носковой²⁴. Н.С. Лебедева готовила к публикации русский перевод мемуаров В. Андерса «Без последней главы», сопроводив их большой научной статьей, посвященной судьбе польского генерала²⁵. Определенный интерес представляет монография В. Парсадановой о Варшавском восстании 1944 г.²⁶ В работе дан обзор обстоятельств формирования в СССР армий под командованием В. Андерса и З. Берлинга²⁷. В ряде журнальных статей рассматриваются отдельные вопросы, связанные с формированием Войска польского²⁸, комплектованием польских войск белорусами²⁹, а Красной армии – поляками³⁰.

Чехословацкие формирования. Среди исследований постсоветского периода в первую очередь следует отметить труды В.В. Марьиной – одного из ведущих отечественных специалистов по новейшей истории Чехии и Словакии. В 1998 г. ею была опубликована статья «Чехословацкий легион в СССР (1939–1941 гг.)»³¹, в которой раскрыта история перехода на советскую территорию чехословацких воинских частей в 1939 г. и последующего их интернирования. В фундаментальной двухтомной монографии «Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны» (2007, 2009 гг.)³² В.В. Марьина касается в том числе вопросов

²² Зданович А.А. Роль НКВД в формировании польской армии В. Андерса (1941–1942 гг.) // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 53–60.

²³ Зданович А.А. «Польская воинская часть... высоко поднимет вес и авторитет поляков в ходе войны и в становлении послевоенной Европы». Рождение Войска польского (1942–1944 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 48–54.

²⁴ Носкова А.Ф. Генерал З. Берлинг: штрихи к политическому портрету // Профессор Московского университета И.М. Белявская: (к 90-летию со дня рождения). М., 2005.

²⁵ Андерс В. Без последней главы. Польская армия в СССР. Воспоминания. Публ. Н.С. Лебедевой // Звезда. 2013. № 1. С. 156–165.

²⁶ Парсаданова В. Варшавское восстание 1944 г.: Движение Сопротивления в Польше 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты: В 2 ч. М., 2018.

²⁷ Парсаданова В. Указ. соч. Ч. 1. С. 71–80; 281–293.

²⁸ Медведев А. Польские авиационные формирования в СССР в годы Великой Отечественной войны // История авиации. 2001. № 4. С. 26–29; Петров Б.Н. К созданию польских воинских формирований на территории СССР // Военно-исторический архив. 2007. № 8. С. 162–163.

²⁹ Грибовский Ю.В. Уроженцы Беларуси в Народном войске Польском (1944–1945 гг.) // Военно-исторический архив. 2005. № 6. С. 94–96. Кандидатская диссертация автора статьи на белорусском языке: *Грыбойскі Ю.В. Беларусы ў польскіх узброеных фарміраваннях у гады другой сусветнай вайны. Аўтарэферат дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук 07.00.02.* Минск, 2005; его монография на польском языке: *Grzybowski J. Białorusini w polskich regularnych formacjach wojskowych w latach 1918–1945.* Warszawa, 2006.

³⁰ Сенявский А.А. Поляки в Красной армии в 1944 г.: к проблеме национальной идентификации // Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: Мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 15 марта 2019 г. М., 2019. С. 353–363.

³¹ Марьина В.В. Чехословацкий легион в СССР (1939–1941 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 58–73.

³² Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007; Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009.

военного сотрудничества между двумя странами. В ее статье «Чехословацкие воинские части в СССР. 1941–1945 годы» (2010 г.) проанализированы дипломатические аспекты истории создания этих частей³³. В статье «В Словакию через Карпаты. К 70-летию Словацкого национального восстания и Карпато-Дуклинской операции Красной армии» (2014 г.) В.В. Марьина отмечает, что эта «операция не может расцениваться как ненужная», в том числе потому, что «она дала возможность [созданному в СССР] чехословацкому корпусу в бою завоевать право вступить на родную землю и создала условия для дальнейшего освобождения чехословацкой территории»³⁴.

Югославские формирования. В постсоветский период тема югославских воинских формирований, созданных в СССР, рассмотрена в диссертации С.Н. Картавого (2000 г.)³⁵ и его статье о советской помощи в подготовке кадров для ВВС НОАЮ (2009 г.)³⁶. В статье А.Б. Едемского «Москва и антифашистское движение И. Броз Тито (январь – начало октября 1944 г.)» (2010 г.) раскрыты аспекты деятельности югославской военной миссии в СССР³⁷. В вышедшей в 2011 г. монографии Л.Я. Гибианского «Югославия в XX веке: Очерки политической истории» освещены некоторые оказания советской помощи НОАЮ. Он отмечает, что «коммунистическое руководство новой Югославии в силу своей тесной политико-идеологической связи с СССР рассматривало советскую военную помощь как наиболее важную и надежную»³⁸.

Румынские формирования. Среди современных отечественных исследователей, занимающихся проблематикой румынских частей, созданных на территории СССР, стоит выделить воронежского историка Т.П. Малютину, которая в своей диссертации³⁹ и статьях⁴⁰ рассматривает не только процесс принятия решения о формировании дивизии «Тудор Владимиреску», особенности ее формирования, социальный состав, но и анализирует некоторые особенности взаимодействия дивизии с советскими войсками. Автор затрагивает также проблему конфликтов между румынскими и советскими военнослужащими. Однако участие дивизии в боевых действиях в работах Т.П. Малютиной изучено недостаточно.

В ряде публикаций рассматриваются особенности содержания пленных румын, их трудового использования, взаимоотношений с местными жителями и военнопленными других национальностей, проблема репатриации⁴¹. Отдельные статьи посвящены пропагандистской работе среди военнопленных⁴² – в них анализируются особенности работы советского аппарата про-

³³ Марьина В.В. Чехословацкие воинские части в СССР. 1941–1945 годы // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 83–106.

³⁴ Марьина В.В. В Словакию через Карпаты. К 70-летию Словацкого национального восстания и Карпато-Дуклинской операции Красной армии // Россия XXI. 2014. № 3. С. 90.

³⁵ Картавий С.Н. Создание в СССР иностранных военных формирований и подготовка для них офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2000.

³⁶ Картавий С.Н. Советская помощь в подготовке кадров для ВВС Народно-освободительной армии Югославии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук. Вып. VIII–IX. Ярославль, 2009. С. 73–83.

³⁷ Едемский А. Москва и антифашистское движение И. Броз Тито (январь – начало октября 1944 г.) // Освобождение Београда: Сборник радова. Београд, 2010. С. 110.

³⁸ Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 487–488, 497.

³⁹ Малютина Т.П. История боевых действий советских войск против вооруженных сил королевской Румынии на советско-германском фронте (1941–1944 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2019.

⁴⁰ Чалая Т.П. Румынские добровольцы в Красной Армии. 1943–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 139–144.

⁴¹ Барышкин В.П., Иванченко И.С., Новожеев Р.В. Межнациональные отношения между немцами и их союзниками в годы Второй мировой войны и в советском плену. К вопросу о «Единой Европе» // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 9 (18). С. 31–33; Перевожиков Д.В. Национальный состав контингента иностранных военнопленных на территории Удмуртии в 1942–1949 гг. // Военно-исторический журнал. 2019. № 1. С. 68–71 и др.

⁴² Суржик Д.В. Оружие слова. Советская спецпропаганда в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 47–60; Волокитина Т.В. «Перо приравнено к штыку!»: Советская печатная пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Славяне и Россия. 2014. № 1. С. 328–360 и др.

паганды и агитации с румынами, ее эффективность, результаты, в том числе и влияние на формирование румынских добровольческих соединений.

Венгерские формирования. В современной российской историографии важное внимание уделяется изучению истории участия венгерских войск в боевых действиях на советско-германском фронте, в том числе и в карательных операциях против партизан⁴³. Отдельным направлением исследований стала разработка таких проблем, как венгерский оккупационный режим и военные преступления венгерских военнослужащих против советских военнопленных и мирного населения⁴⁴.

Стоит выделить работы Н.В. Филоненко⁴⁵, в которых на обширной источниковой базе рассматриваются вопросы агитационной и пропагандистской работы по разложению венгерской армии.

Были продолжены исследования по проблемам венгерских военнопленных в СССР⁴⁶. В вводной статье венгерского историка Е.М. Варга и его российского коллеги В.И. Коротаева к сборнику документов «Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов»⁴⁷, помимо вышеозначенных проблем истории пребывания венгерских военнопленных в СССР, затрагивается вопрос формирования добровольческой воинской части из числа венгерских военнослужащих. При этом подчеркивается роль венгерских коммунистов-эмигрантов и советского военно-политического руководства в данном процессе.

Болгарские формирования. Болгария формально не противостояла Советскому Союзу во Второй мировой войне, поэтому повода создавать болгарские части у советского правительства не было. Однако в 1944–1945 гг. болгарские войска по требованию советской стороны активно применялись в боях с немцами. Отдельные аспекты совместных боевых действий рассматриваются в российской литературе⁴⁸.

Французские формирования. Полк «Нормандия – Неман» продолжает привлекать внимание российских историков военной авиации. Благодаря введению в научный оборот новых источников в статьях М.А. Макова⁴⁹, А.В. Котловского⁵⁰, А.Н. Медведя и Д.Б. Хазанова⁵¹ рассмотрены различные аспекты боевой подготовки французских летчиков, их взаимодействие с советскими пилотами во время выполнения боевых заданий.

Следует отметить книгу С.В. Дыбова⁵², в которой автор много внимания уделяет дипломатическим вопросам истории полка «Нормандия – Неман». Особо подчеркивается сложный

⁴³ Филоненко С.И. Острогжско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж, 2005; Крестовый поход на Россию: Сб. ст. М., 2005 и др.

⁴⁴ Краус Т., Варга Е.М. Венгерские войска и нацистская истребительная политика на территории Советского Союза // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. № 1. С. 73–96; Филоненко С.И., Филоненко Н.В. Крах фашистского нового порядка на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). Воронеж, 2005 и др.

⁴⁵ Филоненко Н.В. История боевых действий советских войск против вооруженных сил хортистской Венгрии на территории СССР (1941–1944 гг.). Воронеж, 2017; Филоненко Н.В. Документы 2-й венгерской армии в архивах России, Венгрии, Германии и Италии // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 143–154 и др.

⁴⁶ Перевоицков Д.В. Из истории пребывания венгерских военнопленных в Удмуртии в 1943–1949 годах // Славяноведение. 2020. № 1. С. 83–88; Перевоицков Д.В. Национальный состав...; Мотревич В.П. Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны на Урале: численность, состав, размещение // Пенитенциарная наука. 2009. № 6. С. 77–86 и др.

⁴⁷ Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов. М., 2005.

⁴⁸ Валева Е.Л. Болгария во Второй мировой войне // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европе. М., 2010. С. 14–33; Болгария в XX веке: очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003.

⁴⁹ Маков М.А. Формирование и боевая деятельность истребительного авиационного полка «Нормандия – Неман» // Военно-исторический журнал. 2008. № 5. С. 35–38.

⁵⁰ Котловский А.В. Французы на Востоке // Авиация и время. 2006. № 2. С. 17–20; Там же. № 4. С. 35–39; Там же. № 5. С. 32–34.

⁵¹ Медведь А.Н., Хазанов Д.Н. Не только «Нормандия»: французские авиационные формирования в СССР // Авиамастер. 1999. № 6. С. 34–43.

⁵² Дыбов С.В. «Нормандия – Неман»: Подлинная история легендарного авиаполка. М., 2011.

характер решения о направлении полка в СССР, принятое Ш. де Голлем в условиях напряженных отношений с Великобританией. Должное внимание С.В. Дыбов уделил и вопросам взаимодействия советского и французского командования в процессе обеспечения боевой деятельности полка. В книге также приведены уникальные биографические материалы о летчиках полка.

В статье И.А. Антоновой⁵³ рассматривается повседневная жизнь французских летчиков в период их дислокации на аэродроме в районе Тулы. Автор затрагивает проблемы взаимодействия французов с советским мирным населением (людей с различной культурой), выявляет его особенности и показывает, что, несмотря на ряд бытовых трудностей, отношения между военнослужащими полка и советскими гражданами были деловыми и благожелательными.

Современная зарубежная историография

Как и в отечественной литературе, в зарубежной практически нет работ, предлагающих обобщенный анализ истории иностранных формирований СССР. Исключение представляет монография немецкого историка венгерского происхождения П. Гостони «Сталинские иностранные войска: судьба несоветских войск в составе Красной армии», впервые изданная в 1976 г. и переизданная в 1991 г.⁵⁴ Книгу характеризует слабая источниковая база: автор не использовал архивные документы, опираясь лишь на материалы, взятые из советской, польской, чехословацкой, венгерской, а также западной историографии.

Однако современные исследования по тематике вооруженных формирований отдельных стран достаточно многочисленны, поскольку они актуализированы задачами самоидентификации восточноевропейских государств в новой геополитической реальности, в том числе и в отношениях с Россией, принявшей на себя бремя наследия советской истории. Во многих странах Восточной Европы вступление на их территорию войск Красной армии перестало символизировать освобождение страны. Напротив, теперь речь идет о выяснении степени урона от «советской оккупации», и именно в этом контексте изучается участие СССР в создании или реорганизации национальных вооруженных сил.

Польские формирования. Современная польская историография достаточно плодотворна, разнообразна и, безусловно, наиболее политизирована. При ее анализе следует отталкиваться от господствующей в Польше концепции «двух оккупаций», где Советскому Союзу отводится место рядом с Третьим рейхом, то есть «вероломного и безжалостного империалиста». Очевидно, поэтому здесь не принято говорить об освободительной миссии Красной армии⁵⁵. В центре внимания польских историков находятся польские войска на европейских и североафриканском театрах военных действий, Армия крайова, ее политические органы управления и так называемые «проклятые солдаты» (неорганизованное послевоенное антикоммунистическое подполье)⁵⁶. Не последнее место в этом ряду занимает армия генерала В. Андерса⁵⁷, сфор-

⁵³ Антонова И.А. «Спасибо России»: Полк «Нормандия – Неман» в Туле // Тульский краеведческий альманах. 2015. Вып. 12. С. 100–117.

⁵⁴ Gosztony P. Stalins fremde Heere: Das Schicksal der nichtsowjetischen Truppen im Rahmen der Roten Armee, 1941–1945. Düsseldorf – Wien, 1991.

⁵⁵ UciągT głowę Polsce: Z Andrzejem Nowakiem i Ryszardem Terleckim rozmawia Barbara Polak // Biuletyn IPN. 2011. № 3 (124). S. 13.

⁵⁶ Zurowski A. W walce z dwoma wrogami. Warszawa, 1991; Wrzesin,ski W. Wizje Polski niepodległej w programach i działalności Armii Krajowej // Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia. Z. 118. 1995. S. 85–100; Wojna domowa w Polsce, 1944–1947. Warszawa, 1997; Matuszak P. Wywiad Związku Walki Zbrojnej Armii Krajowej. 1939–1945. Warszawa, 2002; Komorowski K. Polityka i walka: Konspiracja zbrojna ruchu narodowego 1939–1945. Warszawa, 2000; Smolin,ski J. Polskie władze wojskowe na uchodźstwie 1939–1946. Warszawa, 2017; Tym J.S. Dzieje wojska Polskich Sił Zbrojnych

⁵⁷ Wawer Z. Armia generała Władysława Andersa w ZSRR 1941–1942. Warszawa, 2012; Skrukwa G. Armia Andersa – nadzieja dla polaków w ZSRR // Zesłaniec. № 34 (2008). S. 29–40; Kalbarczyk S. Armia Andersa w ZSRS 1941–1942: niespełnione braterstwo broni z Armią Czerwoną. Warszawa, 2020.

мированная в СССР в 1941 г., однако выведенная в Иран под британское командование летом 1942 г. Польских историков привлекают не только почти кинематографические приключения подопечных Андерса на нескольких континентах и дипломатические перипетии вокруг его армии, но и последовательная антисоветская позиция самого генерала.

Возрожденные в 1943 г. во второй раз польские войска под командованием З. Берлинга, а затем М. Роля-Жимерского, прошедшие вместе с Красной армией с боями до Берлина, не удостоены такого внимания. Официальная польская историография, олицетворяемая Институтом национальной памяти, отказывает «Народному Войску польскому» (*Ludowe Wojsko Polskie – LWP*) или же «Войску польскому на Востоке» (*Wojsko Polskie na Wschodzie*) в признании за ним сколько-нибудь существенного вклада в борьбу польского народа с нацизмом, считая его пособником «советских оккупантов»⁵⁸.

Однако было бы большим упрощением считать, что тема «советской» польской армии погружена в «туман забвения»⁵⁹. По крайней мере, до последнего времени в польской историографии предпринимались усилия по преодолению сложившихся стереотипов и предрассудков в ее отношении. Среди профессиональных исследователей, изучающих «Войско польское на Востоке», есть представители академической и универси-*w latach 1940–1947: Stan badanT i perspektywy rozwoju (częścTcT 1) // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 2019/4. S. 80—107; Tym J.S. Dzieje wojska Polskich Sił Zbrojnych w latach 1940–1947: Stan badanT i perspektywy rozwoju (częścTcT 2) // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 2020/2. S. 42–77.*

тетской науки, военных музеев и других научно-исторических учреждений – в том числе Е. Коспат-Павловский, С. Ячиньский, С. Зволинский, Х. Станчик, Ч. Гжеляк, К. Качмарек, Т. Лешкович⁶⁰. Некоторые современные историографы Войска польского (К. Качмарек, Э. Коспат-Павловский, Е. Налепа и др.) ведут свою научную биографию еще из времен Польской Народной Республики. Их исследования отличаются привлечением широкого круга источников и глубиной их научного анализа. Ряд книг о Войске польском, написанных в самом начале 1990-х гг., переиздан в 2000—2010-х гг., что свидетельствует об общественном интересе к теме.

Историки этого направления справедливо указывают на то, что общая численность «польской армии на Востоке» превышала численность польских войск на Западе в полтора раза и ей пришлось жестоко драться на родной земле и нести большие потери⁶¹. Разделяя ныне общепринятую в польской историографии концепцию «двух оккупаций», исследователи армии З. Берлинга находят историческое оправдание ее существованию в патриотической мотивации, которой была движима основная масса польских воинов независимо от политического облика

⁵⁸ Коркуць М. Борящаяся Речь Посполитая 1939–1945. Варшава, 2019; *Wojsko Polskie. Z Jerzym Kirszakiem, Danielem Koresiem i Jerzym Maroniem rozmawia Jan M. Ruman // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2011. № 8–9. S. 21–22; Paduchowski W. Jan Kotyza, żołnierz Armii Krajowej, Batalionyw Chłopskich, ludowego Wojska Polskiego – zarys biograficzny // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 2020/12. S. 159.*

⁵⁹ *Tadeusz L. A. Kisielewski – «Janczarzy Berlinga» – recenzja i ocean // <https://histmag.org/Tadeusz-A.-Kisielewski-Janczarzy-Berlinga-recenzja-10189> (дата обращения: 02.04.2022).*

⁶⁰ *Kospath-Pawłowski E. Wojsko Polskie na Wschodzie 1943–1945. Pruszkowy, 1993; Jaczynski S. Zygmunt Berling. Między sławą a potępieniem. Warszawa, 1993; Kospath-Pawłowski E. Wojsko Polskie w II wojnie sTwiatowej. Warszawa, 1995; Grzelak Cz., Stan,czyk H., Zwolin,ski S. Bez możliwości wyboru: Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945. Warszawa, 1993; Nalepa E.J. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943–1968. Warszawa, 1995; Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział 1. Dywizji piechoty im. Tadeusza KosTciuszki w bitwie pod Lenino / red. nauk. S. ZwolinTski. Warszawa, 2003; Kaczmarek K. Polskie wojsko na Wschodzie: 1943–1945: od Mierei do Łabyi Wełtawy. Lublin, 2005; Nalepa E.J. Oddani partii Lenina i Stalina: czerwonoarmisTci w Wojsku Polskim 1943–1968. Piotrkowy Trybunalski, 2014; Nalepa E.J. Oddani partii Lenina i Stalina: czerwonoarmisTci w Wojsku Polskim 1943–1968. Kielce, 2018; Stan,czyk H., Zwolin,ski S. Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945. Warszawa, 2015.*

⁶¹ Современной польской историографией общие потери польских войск на Востоке оцениваются в 66,9 тыс. чел., а польских войск на Западе – 43,5 тыс. чел. (*Stan,czyk H., Zwolin,ski S. Op. cit. S. 351*).

всей армии: «Негативное мнение о коммунистической армии не может быть распространено на так называемого простого солдата»⁶².

Польские историки обращают внимание и на то, что активные действия польских войск на Восточном фронте стали важным аргументом в отстаивании геополитических интересов Польши, какую бы политическую силу представляло Войско польское. Трудно представить, чтобы претензии польской стороны (например, на впоследствии переданные Польше германские территории) были приняты во внимание в Ялте и Потсдаме, не будь в мае 1943 г. сформирована 1-я польская дивизия, положившая начало 300-тысячной польской армии 1945 г.⁶³ Все это вполне оправдывает внимание польских историков к истории Войска польского как историческому феномену Второй мировой войны.

Чехословацкие формирования. У чешских историков, в отличие от польских, в целом сохраняются позитивные оценки чехословацких формирований, созданных в годы войны в СССР. Представляют интерес монография К. Рихтера о роли русинского населения Закарпатья в комплектовании этих частей⁶⁴, книга К. Рихтера и А. Бенчика, посвященная деятельности главы чехословацкой военной миссии в СССР Г. Пики⁶⁵, исследование З. Маршалека об этнических аспектах формирования чехословацких частей за границей в годы Второй мировой войны⁶⁶. Большой вклад в исследование истории чехословацких воинских формирований, созданных в СССР, внес А. Бинар⁶⁷.

Определяя место чехословацких частей в борьбе с нацистской Германией и ее союзниками, К. Рихтер отмечает: «Чехословацкое сопротивление на Востоке принимало непосредственное участие в... народном освободительном движении в годы Второй мировой войны», созданные в СССР части «сыграли важную роль в освобождении Чехословакии», «на советско-германском фронте прославили имя чехословацкого воина в демократическом мире и помогли тому, чтобы Чехословакия снова заняла почетное место среди свободных государств Европы и всего мира». Есть у него и взвешенные подходы к советско-чехословацкому военному сотрудничеству: «Вопреки деформации, которую в отношении между народами Чехословакии и Советского Союза внесла эра международного социалистического содружества, существовали чистые ценности военного союза народов, чьи представители вместе воевали и погибали на Восточном фронте Второй мировой войны»⁶⁸.

Для трудов А. Бинара также характерен взвешенный подход с признанием заслуг чехословацких воинских частей, созданных в СССР. Он пишет, что к концу войны они стали «крупнейшей частью чехословацких вооруженных сил во время Второй мировой войны... Ключевым вкладом [1-го чехословацкого] армейского корпуса было то, что он показал решимость жителей Чехии и Словакии к восстановлению суверенного Чехословацкого государства... Ядро армейского корпуса было представлено солдатами и офицерами, которые добровольно присоединились к сопротивлению»⁶⁹. Выводы о «патриотизме и мужественном героизме» воинов чехословацких формирований представлены также в книге «70-летие битвы у Соколово. 1-й чехословацкий армейский корпус в СССР» (2013 г.)⁷⁰.

⁶² Cenckiewicz S. Geneza Ludowego Wojska Polskiego, 1943–1945. Warszawa, 2017. S. 6.

⁶³ Zamojski J.E. Wojsko polskie na froncie wschodnim (przymierze czy brak wyboru?) // Dzieje najnowsze. 2004. № 1. S. 187–188.

⁶⁴ Richter K. ...A v zódech mýli smrt. Třebíč, 1997; *Idem*. Podkarpatští rusni v boji za svobodu. Praha, 1997; *Idem*. Přes krvavý řeky. Praha, 2003; *Idem*. Apokalypsa v Karpatech. Brno, 2017.

⁶⁵ Richter K., Benčík A. Kdo byl Generál Píka: portrýt čs. vojáka a diplomata. Brno, 1997.

⁶⁶ Maršalek Z. “Český”, nebo “československý” armáda? Národnostní složení československých vojenských jednotek v zahraničí v letech 1939–1945. Praha, 2017.

⁶⁷ Binar A. Československé vojenské odboje za Druhý světový váleky na Východě (1939–1945). Brno, 2019. S. 96.

⁶⁸ Richter K. Podkarpatští rusni... S. 112, 114.

⁶⁹ Binar A. Op. cit. S. 96.

⁷⁰ 70. výročí bitvy u Sokolova, 1. čs. armádní sbor v SSSR. Praha, 2013. S. 8.

В то же время гораздо критичнее в современной Чехии стал подход к проблеме интернирования чехословацких военнослужащих на территории СССР в 1939–1941 гг. Теперь этот факт рассматривается как «советский плен»⁷¹, в рамках которого «на советской земле у восточного подразделения чехословацкой армии не было будущего»⁷². Глава книги К. Рихтера, имеющей характерное название «Война началась в Польше: Засекреченные факты о германо-советской агрессии»⁷³, об интернированных в СССР чехословацких военнослужащих получила саркастическое наименование: «В советском раю»⁷⁴.

Для исследований стала характерна антикоммунистическая парадигма. К. Рихтер противопоставляет «советофильство» и приверженность коммунистической идеологии патриотизму⁷⁵. Он пишет, что чехословацкие воины «воевали за родину, не подозревая, что последствием их боевых усилий будет политическое и великодержавное злоупотребление, приведшее к установлению тоталитарного режима, подчиненного интересам советской империи»⁷⁶. Названия некоторых изданных после 1991 г. книг К. Рихтера о чехословацких воинских частях даны в мрачных тонах: «Через кровавые реки», «А за спиной была смерть», «Апокалипсис в Карпатах», что очевидным образом подчеркивает эти «трудные условия».

А. Бинар считает, что в действиях советского командования в сфере боевого применения 1-го чехословацкого корпуса проявилась «империалистическая политика СССР»⁷⁷. Как бы «извиняя» чехословацких воинов, он пишет, что «несмотря на то, что... корпус воевал в оперативном подчинении Красной армии, большинство его воинов не отождествляли себя с коммунистическим режимом, существовавшим в Советском Союзе. В то время, однако, не было другой альтернативы, кроме как бороться за его поддержку». Подытоживая эту мысль, А. Бинар делает вывод, что «участники чехословацкого военного сопротивления в Советском Союзе боролись за восстановление чехословацкого государства в самых трудных условиях». Деятельность чехословацких коммунистов рассматривается им как «угроза военной сущности чехословацкого сопротивления»⁷⁸.

Кроме того, звучит жесткая критика прежней чехословацкой историографии как подчиненной «коммунистической пропаганде», в ходе которой «многие главы» истории «были пропущены или переписаны, чтобы это нравилось советским „вождям“ в Москве или их местоблюстителям в Праге и Братиславе»⁷⁹. Чешские военные историки считают, что одним из главных объектов «настойчивых попыток фальсифицировать и скрыть реальные события» были «те, которые связаны с чехословацкими военными частями на Восточном фронте... Режим попытался интегрировать историю боев за Соколово в образ ведущей роли руководства коммунистического сопротивления в освобождении Чехословакии, намеренно скрывая аполитичные или даже антикоммунистические взгляды значительной части героев Соколово... Только после 1989 года эту важную главу чехословацкой истории удалось деидеологизировать и придать ей то значение, которого она заслуживала»⁸⁰.

⁷¹ Ibid. S. 6.

⁷² Richter K. ...A v zódech mǐli smrt. S. 24.

⁷³ Негативный подход к роли СССР во Второй мировой войне («коварное вторжение Красной армии на территорию Польши, отчаянно сражавшейся с немецкими нацистами») прослеживается и в некоторых других чешских публикациях, посвященных истории чехословацких воинских частей. См.: 70. vǎroǎn bitvy u Sokolova... S. 6.

⁷⁴ Richter K. Válka začala v Polsku: Utajované fakta o německo-sovětské agresi. Praha, 2004. S. 348–370.

⁷⁵ Richter K. Apokalypsa v Karpatech. S. 311.

⁷⁶ Richter K. Podkarpatyň rusni... S. 112.

⁷⁷ Binar A. Czechoslovakia's Stance on the Polish Cause in 1944 // Poland in 1944: The Perspective of Allies and Enemies. Warsaw – Cracow, 2020. P. 260.

⁷⁸ Binar A. Československé vojenské odboje... S. 14, 96–97.

⁷⁹ Na všech frontách: čechoslováci ve II. Světové válce. Boulder, 1992. S. 9.

⁸⁰ 70. vǎroǎn bitvy u Sokolova... S. 48.

Югославские формирования. Для югославской (затем – сербской) историографии в период после распада СФРЮ характерны в основном положительные оценки советской военной помощи. Б. Петранович в книге «Сербия во Второй мировой войне, 1939–1945 гг.», изданной в 1992 г., сделал вывод, что «в противоположность британцам, СССР был заинтересован, чтобы НОАЮ трансформировалась в регулярную армию»⁸¹. Б. Димитриевич в монографии «Югославская народная армия» (2014 г.) рассмотрел вопросы создания в СССР 2-й югославской танковой бригады и оказания другой помощи НОАЮ⁸². П. Байич в диссертации «Союзническая военная помощь народно-освободительному движению, 1943–1945 гг.» (2016 г.) поддержал такое заключение: «То, что она не получила от британцев, НОАЮ позже получила от Советов, и в гораздо большем масштабе», в том числе «лучшие советские танки Т-34 и самолеты Ил-2 – лучшие в своем роде самолеты Второй мировой войны»⁸³. О советской помощи в сфере вооружения рассказано в статье Д.З. Велоича (2019 г.)⁸⁴, в авиационной сфере – в монографии И. Кукобата «Советское влияние на югославскую авиацию, 1941–1949: между сотрудничеством и противостоянием» (2020 г.)⁸⁵. В то же время касательно довоенных советско-югославских отношений в сфере военно-технического сотрудничества А. Животич сделал спорный вывод, что «нападение Германии на Югославию показало всю неэффективность соглашения с Советским Союзом»⁸⁶, заключенного в апреле 1941 г., хотя советско-югославский договор не содержал обязательств военной помощи.

В югославской и сербской историографии сделан акцент на неоднозначности мотивов югославских военнопленных, вступивших в 1-ю югославскую бригаду. Для сербской историографии в целом характерны сдержанные оценки югославских воинских частей, созданных в СССР в годы Великой Отечественной войны. Б. Димитриевич сделал вывод, что «эти формирования просуществовали недолго, и их личный состав не имел большого значения в структуре послевоенной югославской армии»⁸⁷. Практически нет исследований, посвященных 1-й югославской бригаде, а имеющиеся оценки ее формирования и боевого пути – в основном отрицательные. П. Байич пишет, что по причине ее комплектования из числа «бывших членов усташско-домобранского хорватского легиона, дезертировавших или захваченных отрядами Красной армии во время и после Сталинградской битвы», судьба этой воинской части «представляет собой один из самых деликатных вопросов в истории национально-освободительной борьбы»⁸⁸ Югославии. Фактически он выразил согласие с тезисом, который ранее прозвучал у Н. Поповича (что в югославской воинской части создалась «деликатная ситуация») ⁸⁹. Словенский историк Б. Годеша в своей статье, опубликованной в 2011 г., дал краткий анализ финальной части боевого пути бригады⁹⁰ (когда она уже была «переформатирована»).

Хорватский историк М. Пойич в монографии «369-й хорватский полк на Восточном театре военных действий, 1941–1943 гг.: военный дневник» дал достаточно подробное опи-

⁸¹ Petranovic, B. Srbija u Drugom svetskom ratu. 1939–1945. Beograd, 1992. S. 626.

⁸² Dimitrijevic, B.B. Jugoslovenska Narodna Armija, 1945–1959. Beograd, 2014. S. 86, 88.

⁸³ Bajuh P.Б. Савезничка војна помоћ НОП-у 1943–1945. године: докторска дисертација. Београд, 2016. Проширени резиме. С. 2; С. 290–291.

⁸⁴ Velić, D.Z. Cooperation of the Units of the People's Liberation Army of Yugoslavia and the 3rd Ukrainian Front of the Red Army in Nij Operation in October 1944 // Политическое пространство и социальное время: правда и ложь в политике и искусстве. Симферополь, 2019. Р. 52.

⁸⁵ Кукобат И. Совјетски утицаји на југословенско ваздухопловство, 1941–1949: Између сарадње и супротстављања. Београд, 2020.

⁸⁶ Животич А. Советско-југославские военные противоречия... С. 270.

⁸⁷ Димитријевић Б.Б. Совјетска обавештајна служба у Југославији 1944–1948. године // Ослобођење Београда: Зборник радова. Београд, 2010. С. 451.

⁸⁸ Bajuh P.Б. Указ. соч. С. 275.

⁸⁹ Popovic, N.B. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd, 1988. S. 241.

⁹⁰ Годеша Б. Очерк словенско-руских отношений в 1918–1945 гг. // Slovenica. 2011. Вып. 1. С. 70.

сание истории 1-й югославской бригады. В его исследовании видна апология этой воинской части и ее командира М. Месича. М. Пойич делает упор на «негативное отношение к ней со стороны руководства Народно-освободительного движения и НОАЮ». Он считает, что обвинения в адрес руководства бригады, «очевидно, что и не скрывалось, исходили из нетерпимости» к ней как к «ушташскому формированию». Оценивая ее боевое применение в боях за г. Чачак в октябре – ноябре 1944 г., М. Пойич считает, что командованием НОАЮ «трехдневные круглосуточные бои бригады, которая одна выполнила поставленную ей задачу против превосходящих сил противника с недостаточной поддержкой соседних частей или отсутствием таковой, не были приняты во внимание. Возможно, бригада специально была введена в бой без надлежащей поддержки, чтобы ее скомпрометировать»⁹¹.

Румынские формирования. В современной румынской историографии прежде всего необходимо выделить ряд обобщающих работ по истории «западной кампании» – боевых действий румынской армии на стороне антигитлеровской коалиции⁹². В них подчеркивается роль румынских войск в разгроме Германии и Венгрии, отмечается особое место Румынии в антигитлеровской коалиции. При этом румынские историки указывают на ряд проблем, которые имели место во время совместных боевых действий румынских и советских войск. Так, в ряде работ выдвинут тезис о пренебрежительном отношении командования Красной армии к румынской армии.

Много внимания современные румынские историки уделяют судьбе военнопленных⁹³. Исследуются особенности содержания, трудового использования, агитационной и пропагандистской работы среди пленных, взаимоотношений румынских военнослужащих с органами НКВД, проблема репатриации пленных. При этом некоторые авторы делают акцент на тяжелых и даже бесчеловечных условиях содержания румынских военнопленных в СССР. При этом процесс формирования добровольческих соединений рассмотрен поверхностно, без опоры на широкую источниковую базу.

Одним из направлений исследований современных румынских историков является изучение роли дивизий «Тудор Владимиреску» и «Хория, Клешка и Кришан» в установлении коммунистического режима в Румынии⁹⁴. Авторы указывают на особую роль добровольческих соединений и их пропагандистского аппарата в укреплении позиций коммунистов в армии, участие военнослужащих дивизий в подавлении антикоммунистических выступлений и их важную роль в организации отречения короля Михая I 30 декабря 1947 г.

Венгерские формирования. В западной историографии участия Венгрии во Второй мировой войне исследователи подробно рассматривают вопросы военного строительства в стране в предвоенные и военные годы, участие венгерских войск в боевых действиях, особенности их взаимодействия с вермахтом, использование венгерских подразделений в антипартизанских операциях, внутри- и внешнеполитическое положение в Венгрии, отношение населения к войне и др.⁹⁵

⁹¹ Pojić, M. Hrvatska pukovnija 369. na istočnom bojištu 1941–1943.: ratni dnevnik. Zagreb, 2007. S. 89–90.

⁹² Armata română în al doilea război mondial / Aut.: maior Eftimie Ardeleanu, col., prof. univ. dr Nicolae Ciobanu, lt.-col. Dumitru Dobre et al. București, 1995; Scafes C., Serbanescu H., Scafes I., Andonie C., Danila I., Avram R. Armata română 1941–1945. București, 1996; и др.

⁹³ Prizonieri de război români în Uniunea Sovietică. Documente 1941–1956. București, 2013; Oprea I. Infernul prizonierilor români în Rusia Sovietică. Vol. I, II. București, 2014.

⁹⁴ Georgescu F. Epurările din armata română din anii 1945–1948 // Acta Moldaviae Meridionalis. XXII–XXIV. Vol. 2. 2001–2003. P. 522–534; Motreanu M. Considerații privind rolul Diviziilor «Tudor Vladimirescu» și «Horia, Cloșca și Crișan» în onlăturarea sistemului monarhic din România (1944–1947) // Analele Dobrogei. Revistă de istorie medie, modern și contemporană dobrogeană. An. III / 2021. P. 283–298.

⁹⁵ Thomas N., Szabó L. The Royal Hungarian Army in World War II. London, 2008; Bernad D., Kliment Ch.K. Magyar Warriors: The History of the Royal Hungarian Armed Forces, 1919–1945. Vol. 1. London, 2015; Farkas T. On the Periphery of the Bloodlands: Hungarian Troops at War against Soviet Partisans. Oslo, 2020; и др.

Венгерская историография особое внимание уделяет изучению истории операций венгерской армии во Второй мировой войне, в особенности боевых действий на территории Венгрии. Важное место в работах венгерских исследователей также занимают проблемы политического строительства на венгерской территории, занятой советскими войсками, в частности деятельность Временного национального правительства и установление коммунистического режима⁹⁶.

Болгарские формирования. Падение коммунистической власти в Болгарии значительно повлияло на переоценку событий, связанных со вступлением войск Красной армии на болгарскую территорию и втягивания Болгарии в войну против Германии. Некоторые историки стали говорить о «духовном и физическом геноциде, который ожидал все народы, оккупированные Красной армией в конце Второй мировой войны»⁹⁷.

События сентября 1944 г. стали оцениваться как советская оккупация, отождествляться с трагедией болгарской истории, третьей национальной катастрофой⁹⁸. Другие болгарские исследователи вводят в научный оборот термины «военно-политическое влияние» и «контроль СССР в Болгарии», оценивая последнюю как «субъект с ограниченным суверенитетом»⁹⁹.

Другие болгарские историки, выступая против тезиса о «советской оккупации», настаивают на том, что советские военные органы не участвовали в решении политических, административных и социальных проблем Болгарского государства¹⁰⁰.

В целом в Болгарии позитивно оценивается участие болгарской армии в войне против нацизма. К 65-летию Победы над фашизмом в Софии состоялась болгаро-российская научная конференция о вкладе Болгарии в разгром гитлеровской Германии на заключительном этапе Второй мировой войны. Так, М. Калонкин поднял вопрос о роли Болгарии во Второй мировой войне, сделав акцент на подвиге болгарской армии в защите целостности своего государства. Историк Е. Калинова раскрыла вопросы места Болгарии во внешней политике Советского Союза в годы Второй мировой войны. В выступлении И. Криворова были подняты проблемы взаимодействия между болгарской и советскими армиями в войне против Германии. Автор отмечал важность оперативного подчинения болгарских войск к Красной армии, что в итоге создало благоприятные условия их совместных и согласованных действий в годы войны¹⁰¹. Болгарские историки считают, что участие в войне против Германии обошлось в средата на XX век. София, 2005; Ангелов В. Третата национална катастрофа: Съветска окупация в България (1944–1947). София, 2005; Dimitrov V. Stalin's Cold War: Soviet Foreign Policy, Democracy and Communism in Bulgaria, 1941–1948. New York, 2008.

слишком дорого: 1-я болгарская армия потеряла 16,4 тыс. человек убитыми и ранеными, «что относительно ее личного состава составляет 12,5 %, что в 1,6 раза выше «норм» Второй мировой войны»¹⁰².

⁹⁶ Szabó P., Szómváber N. A keleti hadszíntér és Magyarország 1943–1945. Budapest, 2009; Контлер Л. История Венгрии: Тысячелетие в центре Европы. М., 2002; Исак Л. Политическая история Венгрии. 1944–1990. М., 2006 и др.

⁹⁷ Цветков П. Руската и съветската имперска система // България между Европа и Русия: научна конференция: 10–11.10.1997 г. София, 1998. С. 91.

⁹⁸ Марков Г. Болгарската история вкратце. София, 1992; Луджев Д. Град на две епохи: История на обществените групи в българските градове

⁹⁹ Баев И. Проблеми на българо-съветските военнополитически отношения (септември 1944 – декември 1947) // България и Русия през XX век: българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 310–319; Богданова Р. Лошата слава на найверния сателит: българо-съветски политически отношения след Втората световна война // България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2008. С. 552.

¹⁰⁰ Исусов М. За характера на българо-съветските отношения след Втората световна война // България и Русия през XX век: българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 235–242.

¹⁰¹ Сборник доклади от българо-руска научна конференция «65 години от победата над фашизма, края на Втората световна война и приноса на България» (18.02.2010 г., София). София, 2010. С. 45–79.

¹⁰² Зафиров Д. Болгарская народная армия в борьбе против Гитлеровского вермахта // Сборник доклади от българо-руска научна конференция... С. 178.

Французские формирования. В послевоенные годы во Франции были опубликованы многочисленные мемуары летчиков полка «Нормандия – Неман»¹⁰³, документы¹⁰⁴ и исследования¹⁰⁵, основанные прежде всего на французских источниках. В этих работах авторы акцентируют внимание на боевой деятельности полка, в том числе анализируют знаковые воздушные бои. Особую ценность представляют биографические материалы, а для исследования повседневной жизни полка представляет большой интерес описание французскими пилотами своего пребывания в СССР.

Англоязычная литература представлена рядом обобщающих работ, описывающих боевой путь полка, а также публикациями по истории вооруженных сил «Сражающейся Франции», в которых содержится важная справочная информация¹⁰⁶.

История полка «Нормандия – Неман» отражена в работах по истории Франции и советско-французских отношений в годы Великой Отечественной войны¹⁰⁷ – в этих публикациях история полка рассматривается сквозь призму дипломатических отношений между странами антигитлеровской коалиции.

Обзор литературы показывает, что изучение темы иностранных воинских формирований в СССР продолжается главным образом по отдельным, частным направлениям. Тема исследуется в рамках истории конкретных государств, воинских формирований, периодов войны. Попыток обобщающих работ на новой источниковой и методологической базе в последние десятилетия не предпринималось.

Если российские историки в целом сохранили прежний, характерный для советской эпохи «интернациональный» настрой в интерпретации событий, связанных с иностранными воинскими формированиями, созданными в СССР, то современные европейские историки отвергают положительные черты установившихся вместе с освобождением от нацистов режимов «народной демократии», которые теперь рассматриваются как полностью зависимые от Советского Союза. К тому же зарубежные историки волей или неволей транслируют современные политические претензии своих стран к России, что отражается и на содержании научных исследований. С этой позиции историческое оправдание сформированным в СССР или при его помощи иностранным формированиям восточноевропейская историография находит только в патриотической трактовке их участия в военных действиях.

Можно предположить, что «войны памяти», сопровождающие связанные с Россией политические и военные кризисы последних лет, и в дальнейшем актуализируют исторические исследования по военно-политическому сотрудничеству с Советским Союзом в годы Второй мировой войны. В то же время новый виток политизации исторических исследований, идущий в последние годы одновременно встречными курсами, затрудняет создание объективных исследований, не говоря уже о возможностях международной кооперации российских и восточноевропейских историков.

¹⁰³ Feldzer C. «On y va!». Boulogne, 1987; Pange de, J. Nous en avons tant vu... 1940–1945. De Koufra au Normandie-Niemen. Metz, 2002.

¹⁰⁴ Journal de Marche officiel du Groupe d'Escadrilles Normandie Niemen du 22 mars 1942 au 20 juin 1945. Paris, 1946.

¹⁰⁵ Donjon Y. Ceux du Normandie-Niemen. Paris, 1997.

¹⁰⁶ Clarke J.D. French Eagles, Soviet Heroes: The «Normandie-Niemen» Squadrons on the Eastern Front. Stroud, 2013; Thomas N., McCouaig S. Foreign Volunteers of the Allied Forces, 1939–1945. London, 1991; и др.

¹⁰⁷ Пономоренко Л.В. Французско-советское сотрудничество в годы Второй мировой войны // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2005. № 1. С. 65–75.

Глава 2

Обзор источников

Источниковая база исследования включает в себя документы фондов российских центральных и ведомственных архивов, опубликованные источники в тематических сборниках, мемуары, материалы периодической печати. Основу исследования составили неопубликованные архивные документы.

В Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) изучены материалы высших органов военного управления: Генерального штаба Красной армии, Уполномоченного по иностранным военным формированиям, Канцелярии НКО, главных управлений Красной армии, раскрывающих вопросы формирования, комплектования, боевого применения иностранных войск (приказы и распоряжения, разного рода переписка, справочные материалы т. д.).

Наиболее ценным с точки зрения раскрытия темы исследования стали материалы Канцелярии Наркомата обороны СССР (ф. 2), Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Красной армии (ф. 7), Главного управления формирования и укомплектования (ф. 56), Главного политического управления (ф. 32), Главного управления кадров (ф. 33) и ряда других. Многие из этих документов рассекречены и переданы в общий доступ ЦАМО РФ в последние годы и впервые вводятся в научный оборот. К сожалению, недоступным для исследователей остается фонд 19, содержащий материалы о работе Уполномоченного Ставки Верховного главнокомандования по иностранным формированиям в СССР. Точно так же до сих пор не рассекречены документы Разведывательного (Главного разведывательного) управления Генерального штаба. В этих двух ведомствах в разные периоды войны была сосредоточена основная организационная работа по иностранным формированиям. Однако участие этих органов в формировании иностранных войск, так же как и деятельность в этой области Наркомата внутренних дел, достаточно полно отражены в открытых архивных документах других фондообразователей и в многочисленных документальных сборниках.

Помимо этого, в ЦАМО РФ были изучены материалы окружных, фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных управлений, в оперативное подчинение которых в тот или иной период входили иностранные воинские соединения. Так, боевой путь румынской добровольческой дивизии «Тудор Владимиреску» был исследован с привлечением документов из фондов 135 (Московский военный округ), 240 (2-й Украинский фронт), 381 (27-я армия), 409 (53-я армия), 500 (Трофейный фонд), 899 (33-й стрелковый корпус). Боевая деятельность французского истребительного авиационного полка «Нормандия – Неман» была исследована на основе документов фонда 20 265 (303-я истребительная авиационная дивизия), фонда 21 890 (1-й отдельный истребительный авиационный полк) и др.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) изучены документы фонда высшего чрезвычайного органа государственной власти – Государственного Комитета Обороны (ф. 644)¹⁰⁸. Анализ нескольких десятков постановлений ГКО, касающихся организации иностранных формирований и рабочих материалов к ним, способствовал целостному представлению о механизмах принятия решений и процедуре их подготовки.

¹⁰⁸ При анализе деятельности ГКО в области иностранных формирований также использовались специализированный аннотированный каталог РГАСПИ (Государственный Комитет Обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: В 2 т. М., 2015) и полный сборник несекретных постановлений ГКО, изданный Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Великая Отечественная. Государственный Комитет Обороны. Постановления и распоряжения: В 5 т. М., 2018–2019).

Материалы фонда 17 – «Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС)» (опись 125 – Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), опись 128 – Отдел международной информации ЦК ВКП(б)) позволили составить представление об организации пропагандистской работы, направленной на моральное разложение армий стран оси. Фонд 495 (Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ)) содержит материалы зарубежных компартий, с которым тесно взаимодействовал ИККИ до его роспуска в 1943 г., а также документы о работе среди военнопленных, находившихся в лагерях СССР (описи 77, 142, 180 и др.). Документы фонда 517 (Коммунистическая партия Франции) позволили ознакомиться с информационным обеспечением пребывания истребительного авиационного полка «Нормандия – Неман» в Советском Союзе.

В РГАСПИ также изучены личные фонды руководителей государства и коммунистической партии, имевших отношение к иностранным формированиям, – И.В. Сталина (ф. 558), В.М. Молотова (ф. 82), Г.М. Маленкова (ф. 83).

В Российском государственном военном архиве (РГВА) прежде всего использованы документы фондов, отражающих условия содержания, агентурную, пропагандистскую и организаторскую работу среди военнопленных: Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД-МВД СССР (ф. 1п) и Антифашистский отдел при Политотделе ГУПВИ МВД СССР (ф. 4п, описи 2, 3 – Политотдел УПВИ НКВД СССР; опись 15 – Издательство Антифашистского отдела при Политотделе ГУПВИ МВД СССР).

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) изучены важные для раскрытия темы документы международных общественных организаций, широко использовавшиеся для информационно-организаторской и пропагандистской работы среди иностранных граждан, прежде всего западных и южных славян. Для этого привлечены фонды Славянского комитета СССР (ф. 6646), председателя Всеславянского комитета генерал-лейтенанта А.С. Гундорова (ф. 9564), Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ф. 5283) и др.

В числе материалов Архива внешней политики РФ (АВП РФ) изучены материалы Секретариата В.М. Молотова (ф. 06) и Референтуры по Франции (ф. 0136).

Кроме того, в работе использованы материалы документальной коллекции, хранящейся в несекретной библиотеке Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, представляющие собой тематические подборки документов ЦАМО РФ.

Источниковую базу исследования характеризует широкая представленность опубликованных документов. Активная публикация материалов советских и европейских правительств, военных, внешнеполитических и других ведомств, характеризующих двусторонние и многосторонние международные отношения, так или иначе освещающие тему иностранных воинских формирований в СССР, началась еще в советский период¹⁰⁹.

Документальные публикации актуализируют политизированность темы иностранных формирований, созданных в СССР, как и вообще советской политики в Восточной Европе. Чем острее межгосударственные отношения, тем ожидаемо больше публикаций, отражающих стремление российской стороны донести и документально доказать свою позицию в крайне непростой истории взаимоотношений наших народов. Очевидно, поэтому наибольшее число публикаций относится к сфере советско-польских отношений, в тематику которых в 1990-х – начале 2000-х гг. определяли покаянные интенции и акценты, связанные с признанием на

¹⁰⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. М., 1944; Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Док-ты и мат-лы. М., 1959; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1, 2. М., 1981, 1983; Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Док-ты и мат-лы: В 2 т. Т. 1. 1941–1943; Т. 2. 1944–1945. М., 1983; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне: Док-ты и мат-лы. М., 1985.

высшем государственном уровне соучастия Советского Союза в ликвидации Польского государства в 1939 г., интернировании и последующем уничтожении части польских граждан¹¹⁰.

Был издан также ряд академических сборников документов из российских, чешских, румынских, венгерских, норвежских, французских архивов¹¹¹. Многие сборники этого периода создавались российскими историками в кооперации с европейскими коллегами, что придавало их содержанию взвешенность и объективность. Для публикации рассекречивались большие массивы документов военных, внешнеполитических ведомств и спецслужб Советского Союза и восточноевропейских стран. Эти издания, как правило, снабжены качественным научно-справочным аппаратом, а вводные статьи к ним представляют собой самостоятельные глубокие исследования. Все они так или иначе содержат данные о воинских формированиях, создававшихся при содействии Советского Союза, поскольку последние являлись важным фактором двусторонних отношений в период войны.

Большой объем документального материала, полезного для разработки темы исследования, содержится в опубликованных материалах, отражающих деятельность высших органов военного управления во время войны – Ставки Верховного главнокомандования и Генерального штаба Красной армии¹¹², а также в сборнике материалов Главного военного совета РККА по предвоенному периоду¹¹³.

Поскольку «истоки» большинства иностранных формирований вели в лагеря военнопленных системы НКВД, подспорьем для исследования стали фундаментальные сборники документов, выходявшие под редакцией волгоградского ученого М.М. Загорулько¹¹⁴. Кроме того, издан отдельный большой сборник документов о содержании венгерских военнопленных, их трудовом использовании, политических настроениях, моральном состоянии, агитационной работе среди них, переводе добровольцев из числа пленных в распоряжение Временного национального правительства¹¹⁵.

Важный источник представляют воспоминания непосредственных участников событий. В разные годы на русском языке были опубликованы мемуары государственных деятелей¹¹⁶, командующих иностранными войсками (Л. Свобода¹¹⁷, В. Андерс¹¹⁸ и др.), представителей

¹¹⁰ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза: документы и материалы. М., 1994; НКВД и польское подполье (по «Особым папкам» И.В. Сталина). М., 1994; СССР – Польша: механизмы подчинения, 1944–1949 гг.: Сб. док-тов. М., 1995; Катень. Пленники необъявленной войны: Док-ты и мат-лы. М., 1997; Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. М., 1997; Катень. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катени. Документы. М., 2001; «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...»: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.; Новосибирск, 2001; Варшавское восстание 1944 г. в документах из архивов спецслужб = Powstanie Warszawskie 1944 w dokumentach z archiwum służb specjalnych / Сост. и ред. В. Виноградов, З. Гайовничек и др. М.; Варшава, 2007; Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сб. док-тов: В 4 т. М., 2017; Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. – декабрь 1945 г.: В 3 т. Т. 1. Апрель 1943 г. – август 1944 г. М., 2018.

¹¹¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. I. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997; Советско-норвежские отношения. 1917–1955: Сб. док. М., 1997; Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.): Док. рос. архивов. М., 1998; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999; Советско-румынские отношения. 1917–1941: Док-ты и мат-лы: В 2 т. Т. II. 1935–1941. М., 2000; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3–2). Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах, 1944–1945: Док-ты и мат-лы. М., 2000.

¹¹² Русский архив. Великая Отечественная. Т. 23 (12–3): Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Док-ты и мат-лы. 1943 г. М., 1999; Русский архив. Великая Отечественная. Т. 23 (12–4): Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Док-ты и мат-лы. 1944–1945 гг. М., 2001; Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16 (5–4): Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945 гг. М., 1999; Великая Отечественная война. 1941–1945. Док-ты и мат-лы. Т. II. Информационное противоборство в годы войны. М., 2014.

¹¹³ Главный военный совет РККА: 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Док-ты и мат-лы. М., 2004.

¹¹⁴ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. Волгоград, 2004.

¹¹⁵ Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов. М., 2005.

¹¹⁶ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

¹¹⁷ Свобода Л. От Бузулука до Праги. М., 1963.

военных миссий, тесно вовлеченных в организационный процесс (М. Джилас¹¹⁹, Н.В. Корнеев¹²⁰ и др.), а также офицеров и рядовых солдат – иностранных¹²¹ и советских¹²², – так или иначе связанных с иностранными формированиями.

Изученная источниковая база позволяет провести полное и всестороннее исследование строительства иностранных формирований на территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Особенности источниковой базы данной работы являются опора на обширный комплекс впервые выявленных и введенных в научный оборот архивных материалов, в том числе рассекреченных в последнее время;

реконструкция нормативно-правовой базы, положенной в основу строительства иностранных формирований; широкое привлечение воспоминаний, дневников, иных документов личного происхождения, отражающих особенности формирования и боевого применения иностранных воинских частей, союзных Красной армии.

¹¹⁸ Андерс В. Без последней главы... // Звезда. 2013. № 1. С. 156–200; № 2. С. 110–137.

¹¹⁹ Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002.

¹²⁰ Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960.

¹²¹ См., например: Радзиванович В.А. Под польским орлом. М., 1959; Жоффр де, Ф. Нормандия-Неман. М., 1960; Климковский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. М., 1964; Dan, ko B. Nie zdążyli do Andersa (Berlingowcy). Londyn, 1992; Szkodźinski S. Znad Irtysza i Oki nad Wisły i Odry brzeg. Warszawa, 1995; Litwa A. Od martwej Warszawy po piekło Wału Pomorskiego. Rzeszyw, 1997; Piotrowski C. Spod Lubartowa do Riazania i Krakowa. Warszawa, 2000; Dąbrowski T. Żyłte kaczenTce czerwone jak maki. Warszawa, 2003; Bakuniak «Jeż» Ed.H. «Osnowa» – Zgrupowanie Pułkowe 27. WołynTskiej Dywizji Piechoty AK – Od Lasyw WołynTskich do Puszczy Solskiej, Światowy Związek Żołnierzy AK – Okręg WołynTski. Warszawa, 2004; 100 de ani de viață, 100 de ani de istorie. București, 2018; Paduchowski W. Op. cit. S. 145–169.

¹²² Захаров Г.Н. Я – истребитель. М., 1985; Слуцкий Б. О других и о себе. М., 2005; Толконюк И.А. Раны заживают медленно: Записки штабного офицера. М., 2017; Артемьев А.П. Воспоминания о войне: Военная литература (militera.lib.ru), 2016. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/artomyev_ap01/. (дата обращения: 4.04.2023).

Часть вторая

Исторический опыт и организационно-политические основы формирования иностранных воинских частей в СССР

Глава 3

Иностранные формирования дореволюционной России

Первым иностранным войском, призванным на службу Русскому государству, можно считать варяжские дружины Рюрика. Впоследствии из иноземных наемников образовались военно-торговые дружины, расположившиеся по торговому пути «из варяг в греки». С раздроблением Руси на уделы князья стали призывать себе на помощь отряды кочевников. Московские государи начиная с Иоанна III также пользовались услугами иноземных воинов. К концу XVI в. при московском дворе была создана «иноземная гвардия». При Михаиле Федоровиче иностранные отряды приняли характер постоянных войск, служа в то же время образцом для русских частей. Некоторым иноземцам-рейтарам были даны поместья и вотчины, а других отправляли «на корм» в города. С учреждением регулярной армии в 1700 г. иноземные войска в большей части были переформированы в полки регулярной пехоты и кавалерии¹²³.

В начале XVIII в. в России опять появляются иностранные войска, к которым, в частности, относились «мекленбургский корпус»¹²⁴, «хоругви», созданные из сербских, венгерских и валахских наемников, которые участвовали в Прутском походе¹²⁵, а также «голштинские войска» Петра III¹²⁶. С 1751 г. в России формировались сербские гусарские полки, участвовавшие в Семилетней войне¹²⁷. В 1769 г. из Валахии, Молдавии и Болгарии в Россию прибыли от 2 до 3 тыс. волонтеров, из которых был сформирован полк. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в ряды русской армии принимали валахов, болгар и сербов. В последующие годы они поселились в пределах России и составили костяк Бугского казачьего полка. Это подразделение принимало участие в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг., в ходе которой к нему примкнули новые иностранные добровольцы¹²⁸.

В 1797 г. Павел I предложил французскому принцу Конде прибыть в Россию вместе с его армией для несения военной службы в России и последующего участия в войне с революционной Францией¹²⁹. Император выдвинул условия, что войска Конде составят отдельный корпус за пределами общего состава русской армии, но «будут подчиняться на территории моей страны той же дисциплине и служить так же, как мои собственные, без единого исключения», а также должны будут принести «общепринятую присягу»¹³⁰.

¹²³ Военная энциклопедия. Т. 11. СПб., 1913. С. 6.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Бабац Д.М. Србија и Русија у Великом рату: Једно савезништво са дугом традицијом. Београд, 2014. С. 13.

¹²⁶ Военная энциклопедия. Т. 11. С. 7.

¹²⁷ Бабац Д.М. Указ. соч. С. 14.

¹²⁸ Белова Е.В. Судьба бугского казачества. Конец XVIII – начало XIX века // Военно-исторический журнал. 2008. № 3. С. 53–54.

¹²⁹ Митрофанов А.А. Волнения в эмигрантском корпусе Конде на русской службе в 1798 г. (по материалам РГАДА) // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 44.

¹³⁰ Бовыкин Д.Ю. Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII–XX веков. М., 2006. Вып. 7. С. 81, 85–86.

Многие дворяне из корпуса Конде в связи с перспективой перехода в Россию покинули его ряды, и к концу января 1798 г. численность корпуса составляла 4320 человек, в том числе 355 генералов и офицеров. Штаб корпуса Конде вскоре был расквартирован в городе Дубно¹³¹. В середине апреля 1798 г. корпус насчитывал около 6 тыс. человек и состоял из пяти полков (одного гренадерского, двух мушкетерских и двух драгунских), одного артиллерийского батальона, двух отдельных пехотных рот охраны и полицейской роты¹³².

В 1799 г. Россия направила корпус Конде на помощь Австрии в войне против Франции. В октябре того же года в боях под Констанцем эмигранты и поддерживающие их русские части проявили большую храбрость. Тем временем Россия вышла из антифранцузской коалиции, и корпус Конде должен был отправиться на место своей прежней дислокации в Волынскую губернию. Однако в марте 1800 г. по договоренности с британским правительством Павел I принял решение о переходе корпуса на содержание Великобритании. Император оставил «кондейцам» в знак благодарности за верную службу все снаряжение, вооружение, обмундирование, а также повозки и лошадей¹³³. Впоследствии, после Люневильского мира между Австрией и Францией, в июне 1801 г. армия Конде была распущена¹³⁴.

В июне 1812 г. приглашенный в Россию германский барон К. Штейн представил Александру I проект организации «Немецкого легиона»¹³⁵. Подобный корпус – Королевский Германский легион в рядах британской армии – успешно сражался с французами на Пиренейском полуострове. Важной предпосылкой стала также готовность многих офицеров прусской, австрийской и иных немецких армий перейти на русскую службу в случае войны¹³⁶.

Александр I принял решение о формировании Русско-германского легиона 26 августа (7 сентября) 1812 г. Затем было издано воззвание за подписью М.Б. Барклая де Толли к «офицерам и солдатам германской нации», входившим в состав армии Наполеона, с призывом переходить на сторону русских и вступать в легион. Пунктами его формирования были назначены Ревель и Киев (впоследствии Рига, Тверь и Белый), куда начиная с августа 1812 г. стали перемещать немецкоязычных пленных и перебежчиков (преимущественно пруссаков). Записывавшиеся в легион люди руководствовались различной мотивацией: прежде всего, это желание избавиться от тягот плена и вернуться на родину, но была и категория лиц, завербованных насильно. Изъявившим согласие гарантировали немедленное возвращение домой после окончания войны, а офицерам выдавали по 500 руб. единовременного пособия. Офицерские вакансии пополнялись за счет эмигрантов на русской службе, среди которых были такие известные фигуры, как будущий премьер-министр Пруссии Э. фон Пфуль и военный теоретик К. фон Клаузевиц. Для облегчения взаимодействия с русскими войсками в легион включили офицеров из числа остзейских немцев. Добровольцами поступали и немецкие колонисты – например, 271 человек из Саратовской губернии. Подготовка легионеров проводилась по русскому воинскому уставу¹³⁷. Командование русской армии уделяло большое внимание формированию легиона, его вооружению, экипировке и продовольственному снабжению¹³⁸.

¹³¹ Митрофанов А.А. Указ. соч. С. 44.

¹³² Васильев А.А. Корпус принца Конде в Российской империи (1798–1799 гг.) // Франция и Россия в начале XIX столетия. М., 2004. С. 93.

¹³³ Васильев А.А. Указ. соч. С. 104, 106–107.

¹³⁴ Бовыкин Д.Ю. Указ. соч. С. 84.

¹³⁵ Фадеев А.В. К истории создания русско-немецкого легиона в России в 1812–1813 гг. // Бессмертная эпопея: К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 201.

¹³⁶ Шереметьев О.В. Создание и участие в кампаниях 1813–1815 гг. Российско-германского легиона // Ученые записки РГСУ. 2008. № 4. С. 202.

¹³⁷ Шереметьев О.В. Указ. соч. С. 203–204.

¹³⁸ Фадеев А.В. Указ. соч. С. 204.

К концу декабря 1812 г. в составе легиона имелись пехотный батальон, рота егерей, гусарский полк и конноартиллерийская рота. С начала 1813 г. их частями начали поэтапно перебрасывать в Восточную Пруссию. К апрелю того же года личный состав легиона включал 6,5 тыс. человек. Затруднения, связанные со снабжением легионеров, русское командование пыталось разрешить всеми возможными способами. Первоначально легион оплачивался русским кабинетом, но финансы страны находились в критическом состоянии. С 24 июня (6 июля) 1813 г. содержание легиона взяла на себя Великобритания, ограничив его личный состав до 10 тыс. человек. Британцы также поставили условие самим производить назначения в офицерском корпусе и применять легион только в североевропейском регионе. Весь 1813 г. легион воевал в Северной армии союзников. Последнее сражение этого похода, в котором участвовали легионеры, произошло 31 марта 1814 г. у Куртре, где французы разбили войска союзников. Вслед за окончанием боевых действий легион перевели на нижний Рейн. Затем, 18 июня 1814 г., он был принят на службу Пруссией¹³⁹, а в апреле 1815 г. король Фридрих Вильгельм II распустил легион¹⁴⁰.

В период Крымской войны в составе русской армии воевало подразделение греков-добровольцев – «легион имени императора Николая I», который формировался осенью 1854 г. из разрозненных рот волонтеров, находившихся при различных пехотных полках. Возглавил подразделение добровольцев подполковник Г. Папаафаносопуло. В феврале 1855 г. греческий легион принял участие в попытке штурма Евпатории в составе русских войск под командованием генерал-лейтенанта С.А. Хрулева. После этого греки отступили в осажденный Севастополь. За участие в штурме Евпатории греческие офицеры и солдаты были отмечены русскими наградами¹⁴¹. По окончании Крымской войны легион был расформирован.

Следующий опыт привлечения иностранцев в русскую армию относится ко времени Первой мировой войны. Формирование Чехословацкого корпуса стало в целом наиболее масштабной акцией по созданию в дореволюционной России иностранных формирований.

С началом Первой мировой войны среди чехов и словаков оживились никогда не прекращавшиеся попытки добиться национальной независимости. Значительная часть представителей этих народов, проживавших в пределах Российской империи, была готова с оружием в руках сражаться за свободу своей родины. Почин в создании воинских частей из представителей славянских народов Австро-Венгрии принадлежал Чешскому национальному комитету – организации чехов-колонистов в Российской империи. Уже 25 июля 1914 г., в день официального объявления войны, комитет принял обращение к императору Николаю II. Через пять дней, поддерживая инициативу чехов, Совет министров Российской империи принял решение о формировании «Чешской дружины»¹⁴². 8 августа 1914 г. военный министр Российской империи В.А. Сухомлинов издал соответствующий приказ¹⁴³.

Цели правительства России при создании чехословацких частей были политическими (создание дружественного России Чехословацкого государства на обломках Австро-Венгерской империи), идеологическими (факт проявления лояльности и верности идее «славянства»)¹⁴⁴ и пропагандистскими (подрыв обороноспособности австро-венгерской армии и раз-

¹³⁹ Шереметьев О.В. Указ. соч. С. 205, 207–209.

¹⁴⁰ Фадеев А.В. Указ. соч. С. 204.

¹⁴¹ Пинчук С.А. Греческий легион имени императора Николая I // Военно-исторический журнал. 2013. № 6. С. 43–44, 47.

¹⁴² Салдугеев Д.В. Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 2. С. 89.

¹⁴³ Васильченко М.А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. С. 43.

¹⁴⁴ Валиахметов А.Н. К вопросу о причинах образования Чехословацкого легиона в России (1914–1918) в отечественной и чехословацкой историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (27): В 2 ч. Ч. II. С. 56.

жигание сепаратистских тенденций в Австро-Венгрии¹⁴⁵, включая поднятие мятежа в чешских регионах¹⁴⁶).

Чехословацкие политические деятели, в свою очередь, стремились помочь императорской армии людскими ресурсами¹⁴⁷, подчеркнуть свою лояльность по отношению к могущественному восточному соседу, бороться за независимость своего народа, а также заложить ядро будущей национальной армии¹⁴⁸. Вопрос участия чехов в войне имел важное значение, так как позволял представить их воюющей стороной и затем обеспечить создание независимой Чехословакии¹⁴⁹.

Центром формирования Чешской дружины был определен Киев, который находился близко и к территории Волыни, где проживало наибольшее число чехов, и к Юго-Западному фронту, где предстояло действовать частям дружины. Ее формирование было завершено в сентябре 1914 г.¹⁵⁰

Сначала власти взяли курс на вовлечение в дружину чехов и словаков – подданных Российской империи (на территории России проживало около 60–70 тыс. чехов и 2 тыс. словаков¹⁵¹, или – по другим данным – до 120 тыс. и даже 200 тыс. чехов и словаков¹⁵²). Ввиду того что добровольцы не имели военной подготовки, перед отправкой на фронт предполагалось провести их военное обучение.

Однако сразу рассматривалась и возможность вовлечения военнопленных (в России к 1917 г. находилось от 200 до 250 тыс. военнопленных чехов и словаков¹⁵³). В.А. Сухомлинов в августе 1914 г. приказал «по окончании формирования всех офицеров и низших чинов заменить чехами из числа военнопленных добровольцев»¹⁵⁴. Юридическая сложность заключалась в том, что правительством Российской империи была подписана Гаагская конвенция, запрещающая использовать военнопленных в войне против их стран¹⁵⁵. Выходом стало участие добровольцев в составе русской армии с присягой на верность России и переходом в российское подданство¹⁵⁶. После того как дружина была укомплектована, на младшие командные должности стали назначать военнопленных чехов¹⁵⁷.

Однако число добровольцев было невелико. Во-первых, изначально агитация к вступлению в Чешскую дружину велась весьма слабо. Во-вторых, военнопленные, зачастую сдавшиеся в плен с целью остаться в живых, имели льготы в русском плену и не слишком хотели записываться в дружину, предпочитая идти на различные работы в тылу¹⁵⁸. Чехи и словаки – вольно-

¹⁴⁵ Карабин А.Ю. Деятельность добровольческих подразделений военнопленных на просторах Российской империи в 1914–1919 гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 3. С. 38–39.

¹⁴⁶ Васильченко М.А. Указ. соч. С. 46.

¹⁴⁷ Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): историческое исследование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 12.

¹⁴⁸ Недбайло Б.Н. Указ. соч. С. 12.

¹⁴⁹ Дуров В.И. Российская империя в тактике чешского национализма в годы Первой мировой войны // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. № 1. С. 57.

¹⁵⁰ Васильченко М.А. Указ. соч. С. 43–44, 46.

¹⁵¹ Капуциан Р. Идеологическая основа формирования и деятельности Чехословацкого корпуса во время Первой мировой войны в 1914–1918 гг. // К 100-летию Первой мировой войны: война, социум, международные отношения. Екатеринбург, 2015. С. 64.

¹⁵² McNamara K.J. Russia's «International» Civil War // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 231.

¹⁵³ Vojenský dějiny Československa. II-díl (1526–1918). Praha, 1986. S. 512.

¹⁵⁴ Васильченко М.А. Указ. соч. С. 43.

¹⁵⁵ Карабин А.Ю. Указ. соч. С. 33.

¹⁵⁶ Дуров В.И. Указ. соч. С. 57.

¹⁵⁷ Карабин А.Ю. Указ. соч. С. 34.

¹⁵⁸ Карабин А.Ю. Указ. соч. С. 33.

определяющиеся и офицеры – шли в дружину с большей охотой, так как здесь им гарантировались офицерские должности либо поступление в офицерские школы¹⁵⁹.

В начале октября 1914 г. в дружине состояли, по разным данным, от 701 до 774 добровольцев, а также 25 офицеров и 133 русских нестроевых военнослужащих¹⁶⁰.

В марте 1915 г. император Николай II дал разрешение на вступление в Чешскую дружину и словакам (ввиду намечавшегося создания единого Чехословацкого государства). Во второй половине 1915 г. по просьбе чешских общин в состав дружины включались не только добровольцы, но и уже мобилизованные в русскую армию чехи¹⁶¹.

Следует отметить, что российские власти изначально имели сомнения в «идейности» личного состава чехословацких частей (особенно бывших военнопленных)¹⁶². Правительство волновало то, что чехи и словаки принимали присягу на верность Австро-Венгерской империи, а теперь нарушают ее, а значит, способны нарушить присягу и во второй раз¹⁶³. Присоединению чехов и словаков к дружине противились русские промышленники и крупные землевладельцы, испытывавшие острую нужду в рабочей силе, которую они получили в лице военнопленных¹⁶⁴. Так, например, на Урале заводская цензура часто не пропускала письма чехов с просьбой об их зачислении в Чешскую дружину¹⁶⁵. Еще одной причиной торможения создания чехословацких воинских частей была борьба различных направлений и группировок в чехословацких общественно-политических организациях¹⁶⁶.

Практика комплектования также была противоречивой. В начале войны в России был разработан особый комплекс мер по содержанию военнопленных-славян, предусматривавший для них широкие льготы. Весной 1916 г. было принято решение о предоставлении пленным славянам новой льготы – освобождение их под честное слово и под поручительство национальных организаций с правом последующего перехода в российское подданство¹⁶⁷. Однако, по другим данным, с целью стимулировать вступление пленных в добровольческие подразделения кое-где практиковалось, наоборот, ухудшение условий содержания¹⁶⁸.

В начале октября 1914 г. дружина была направлена в распоряжение командования Юго-Западного фронта, где вошла в состав 3-й армии генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. На фронте чехи использовались как фронтовые разведчики¹⁶⁹. Эффективной была и их агитационная работа в неприятельской армии¹⁷⁰. Кроме того, в ноябре 1914 г. в Прагу был послан отряд из пяти добровольцев на переговоры с чешским подпольем¹⁷¹.

В ходе ожесточенных боев в ноябре – декабре 1914 г. Чешская дружина прошла боевое крещение, постепенно превращаясь из ополченской части в подлинную боевую часть. Она участвовала во всех боях, которые вела 3-я армия Юго-Западного фронта до конца 1914 г. Использование чешских разведчиков оказалось весьма успешным. Дружина приняла самое активное участие в подготовке Карпатской операции. Весь март 1915 г. она в составе 3-й армии

¹⁵⁹ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965. С. 35, 37.

¹⁶⁰ Васильченко М.А. Указ. соч. С. 46; Недбайло Б.Н. Указ. соч. С. 12.

¹⁶¹ Карабин А.Ю. Указ. соч. С. 33.

¹⁶² Дуров В.И. Указ. соч. С. 57.

¹⁶³ Карабин А.Ю. Указ. соч. С. 34.

¹⁶⁴ Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 27, 37.

¹⁶⁵ Карабин А.Ю. Указ. соч. С. 34.

¹⁶⁶ Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 38.

¹⁶⁷ Мошечков П.В. Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны: от подразделений в составе Иностранного легиона до автономной армии // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 104.

¹⁶⁸ Карабин А.Ю. Указ. соч. С. 33, 39.

¹⁶⁹ Васильченко М.А. Указ. соч. С. 46.

¹⁷⁰ Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 21.

¹⁷¹ Капуциан Р. Указ. соч. С. 65.

принимала участие в боях на Бескидском хребте Карпатских гор. В начале мая того же года германские войска прорвали фронт. 3-я армия, в составе которой находилась Чешская дружина, оказалась на острие удара¹⁷². Тем не менее ей удалось в апреле и мае 1915 г. взять в плен около 3 тыс. человек из 28-го Пражского полка и 36-го Младоболеславского полка австро-венгерской армии¹⁷³. Тяжелые бои привели к большим потерям дружины. После того как фронт стабилизировался, она была отправлена на отдых и пополнение¹⁷⁴.

В декабре 1915 г. был сформирован 1-й Чехословацкий стрелковый полк двухбатальонного состава, которому было присвоено имя Яна Гуса¹⁷⁵. В его составе было около 1600 человек¹⁷⁶. Командиром полка была назначен полковник В.П. Троянов (впоследствии он также командовал и бригадой).

В июне 1916 г. правление Союза чехословацких обществ в России обратилось к Николаю II с ходатайством о разрешении организовать самостоятельную чехословацкую армию по типу сербской дивизии, созданной в России¹⁷⁷. Это ходатайство было одобрено. Положение о формировании чехословацкого соединения из числа военнопленных было утверждено Военным советом Российской империи 28 ноября 1916 г.¹⁷⁸ В конце 1916 г. полк был развернут в стрелковую бригаду в составе трех стрелковых полков. К середине 1917 г. бригада имела в своем составе более 3,5 тыс. человек. Небольшая численность бригады компенсировалась высоким моральным духом личного состава, что было особенно заметно в бою на фоне крайней усталости и моральной подавленности русских солдат и офицеров. Высокий энтузиазм чехов был связан с тем, что они впервые с 8 ноября 1620 г. шли в бой отдельной национальной воинской частью (тогда чехи потерпели сокрушительное поражение от Католической лиги и Священной Римской империи)¹⁷⁹.

4 июля 1917 г. командующий 8-й армией генерал Л.Г. Корнилов дает разрешение формировать 1-ю чехословацкую дивизию¹⁸⁰. В июле 1917 г. чехословацкие формирования приняли участие в наступлении 8-й армии Юго-Западного фронта под командованием Л.Г. Корнилова. Важной вехой стал бой у украинской деревни Зборов. В результате наступления чехословакам удалось прорвать фронт на протяжении 6 верст и продвинуться вглубь занятой неприятелем территории на 2—4 версты. Их трофеями стали 21 орудие, 45 пулеметов и около 3,2 тыс. пленных (включая 62 офицера). Части понесли серьезные людские потери (до трети списочного состава)¹⁸¹. Успешные действия под Зборовом стали первым серьезным сражением чехословацких частей как отдельных боевых единиц на стороне России. Их боевая деятельность получила высокие оценки¹⁸².

Победа у Зборова стала главной причиной того, что Л.Г. Корнилов, назначенный 19 июля 1917 г. Верховным главнокомандующим, разрешил начать формирование 2-й чехословацкой дивизии¹⁸³. Причиной такого решения было также то, что русская армия находилась в состоянии развала, а война все еще продолжалась и требовались боеспособные части.

¹⁷² Васильченко М.А. Указ. соч. С. 47—48.

¹⁷³ Капуциан Р. Указ. соч. С. 66.

¹⁷⁴ Васильченко М.А. Указ. соч. С. 48.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Капуциан Р. Указ. соч. С. 67.

¹⁷⁷ См. ниже в этом разделе книги.

¹⁷⁸ Недбайло Б.Н. Указ. соч. С. 13—14.

¹⁷⁹ Васильченко М.А. Указ. соч. С. 48—49.

¹⁸⁰ Салдугеев Д.В. Указ. соч. С. 90.

¹⁸¹ Васильченко М.А. Указ. соч. С. 49—50.

¹⁸² Там же. С. 48.

¹⁸³ Салдугеев Д.В. Указ. соч. С. 90.

Победа у Зборова была широко использована в пропагандистских целях и содействовала успеху более чем 300 эмиссаров-вербовщиков, разосланных по всем губерниям России Чехословацким национальным советом. До осени 1917 г. им удалось завербовать в чехословацкие воинские части 21 760 новых добровольцев. Вследствие этого формирование 2-й дивизии проходило быстрыми темпами. Были организованы четыре пехотных полка, две артиллерийские бригады и две инженерные роты¹⁸⁴.

В ходе 1917 г. кадровый состав чехословацких воинских формирований значительно изменился. Основную массу солдат теперь составляли бывшие военнопленные¹⁸⁵, в том числе взятые в плен под Зборовом солдаты и офицеры противника, которые в подавляющем большинстве оказались этническими чехами¹⁸⁶.

9 октября 1917 г. по приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего русской армии Н.Н. Духонина был создан 1-й Чехословацкий корпус в составе восьми стрелковых полков, двух запасных полков, артиллерийской батареи, технических и тыловых служб¹⁸⁷. Временное правительство планировало создать и второй Чехословацкий корпус, но этому помешала Октябрьская революция¹⁸⁸. Численность личного состава корпуса насчитывала 45 тыс. человек¹⁸⁹. Во главе корпуса был поставлен генерал-майор В.Н. Шокоров.

Однако одновременно с усилением чехословацких частей разворачивались процессы, связанные с их «обособлением» от русской армии. Чехословацкой дивизии было позволено принять собственный устав и чешский командный язык¹⁹⁰. Чехословацкий корпус постепенно приобретал самостоятельность как основа зарождавшейся армии будущей Чехословакии¹⁹¹. Кроме того, «обособлению» способствовало недоверие добровольцев по отношению к правительству России, вызванное отсутствием достаточной материальной базы и надлежащего вооружения, а также многочисленный новый контингент (военнопленные), морально-политически не связанный с Россией¹⁹².

Пожалуй, наиболее значительную роль в процессе «обособления» чехословацкого формирования от Русской армии сыграл лидер Чехословацкого национального совета (ЧНС) Т.Г. Масарик, который считал своими основными союзниками Францию и Великобританию, а к России относился достаточно скептически¹⁹³. Затягивание решения вопроса о создании самостоятельного чехословацкого воинского формирования в России и более благосклонное отношение к чешскому вопросу со стороны Франции окончательно изменили взгляды Масарика в пользу западных держав¹⁹⁴. Летом 1917 г. он договорился с французским руководством о эвакуации 30 тыс. чехословацких пленных из России во Францию¹⁹⁵.

В конце июля 1917 г. Т.Г. Масарик и генерал А.А. Брусилов заключили соглашение, согласно которому чехословацкое формирование получило название «революционной армии в состоянии войны с Центральными державами». Фактически это означало, что в военных делах чехословацкая «революционная армия» продолжала подчиняться русскому Верховному

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 97.

¹⁸⁶ Васильченко М.А. Указ. соч. С. 50.

¹⁸⁷ Серапионова Е.П. К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011. С. 132.

¹⁸⁸ Карабин А.Ю. Указ. соч. С. 35.

¹⁸⁹ Салдугеев Д.В. Указ. соч. С. 90.

¹⁹⁰ Карабин А.Ю. Указ. соч. С. 35.

¹⁹¹ Капуциан Р. Указ. соч. С. 67.

¹⁹² Васильченко М.А. Указ. соч. С. 46–47, 51–52.

¹⁹³ Там же. С. 52–53.

¹⁹⁴ Дуров В.И. Указ. соч. С. 57.

¹⁹⁵ Vojenský dějiny Československa. II-díl (1526–1918). Praha, 1986. S. 517.

командованию, а во всех политических и дипломатических отношениях перешла под контроль ЧСНС¹⁹⁶.

В сентябре 1917 г. Т.Г. Масарик обратился к русским властям с ходатайством об отправке чехословаков из России. В ответ Ставка Верховного главнокомандующего разрешила отправить во Францию только те части, которые изъявляют такое желание. Дальнейшим катализатором процесса «обособления» чехословацких воинских частей стала Октябрьская революция. В конце декабря 1917 г. между ЧСНС и правительством Франции был подписан договор, согласно которому Чехословацкий корпус юридически стал составной частью французской армии, а 7 января 1918 г. было достигнуто соглашение об отправке корпуса во Францию морем из Владивостока. Через восемь дней российский филиал ЧСНС объявил чехословацкие вооруженные силы в России составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции¹⁹⁷. Корпус полностью перешел на содержание союзников¹⁹⁸. В феврале 1918 г. численность чешских и словацких легионеров в России составляла около 42 тыс. человек¹⁹⁹.

Подписание Брестского мирного договора в марте 1918 г. сделало процесс переброски Чехословацкого корпуса во Францию необратимым. В ходе него растянувшийся по Транссибирской магистрали корпус был вовлечен в разгоравшуюся в России Гражданскую войну.

Еще одной иностранной воинской частью, созданной в России в период Первой мировой войны, был Сербский корпус. Вербовка в добровольческие воинские формирования находившихся в России сербов и представителей других югославянских народов, плененных и дезертировавших из австро-венгерских войск, первоначально преследовала цель пополнить ряды сербской армии, сражавшейся на стороне Антанты²⁰⁰. Летом 1915 г. началась переброска сербов по Дунаю в Сербию, и к сентябрю туда было отправлено около 3,5 тыс. человек²⁰¹.

Затем началось создание сербских частей уже на территории России. 19 октября 1915 г. Николай II в Бухаресте принял представителей Сербии, которые ознакомили его с желанием добровольцев, находившихся в лагерях в России, сражаться с общим врагом. В ноябре того же года в Одессе был сформирован Сербский добровольческий отряд численностью более 1 тыс. человек. В него было позволено вступать всем южным славянам, которые находились в лагерях военнопленных в России²⁰².

К февралю 1916 г. был сформирован костяк 1-й сербской добровольческой дивизии, для которой правительство Сербии прислало в Россию офицеров из сербской армии. К началу февраля 1916 г. было «зачислено на формирование сербских полков около 17 000 нижних чинов и до 70 офицеров». Остальные должности было предложено, «за отсутствием среди военнопленных подходящих лиц, заместить чинами русской службы». Командиром дивизии был назначен полковник С. Хаджич, начальником штаба – подполковник В. Максимович. В середине мая 1916 г. дивизию посетил во время своего визита в Россию премьер-министр Сербии Н. Пашич, а затем – Николай II. К середине лета того же года комплектование дивизии в основном было завершено. Она была расквартирована в районе Одессы и Александровска (ныне Запорожье)²⁰³.

¹⁹⁶ Сератионова Е.П. Указ. соч. С. 131–132.

¹⁹⁷ Васильченко М.А. Указ. соч. С. 55, 61–62.

¹⁹⁸ Салдугеев Д.В. Указ. соч. С. 90.

¹⁹⁹ Карабин А.Ю. Указ. соч. С. 35.

²⁰⁰ Вишняков Я.В. «Сформирование этого корпуса представляется делом... глубоко государственным»: Сербский добровольческий корпус в России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2021. № 11. С. 45–46.

²⁰¹ Бабац Д.М. Указ. соч. С. 104.

²⁰² Там же. С. 104–105, 107.

²⁰³ Вишняков Я.В. Указ. соч. С. 47–48.

1-я сербская дивизия была включена в состав 47-го корпуса русской армии под командованием генерала А.М. Зайончковского и отправлена на фронт в Добруджу. Здесь сербы воевали вместе с русскими и румынскими войсками с конца августа до середины октября 1916 г.²⁰⁴ Дивизия сражалась храбро и понесла тяжелые потери – 719 человек убитыми, 6243 человека ранеными и 2265 человек пропавшими без вести. К началу декабря 1916 г. остатки 1-й сербской дивизии отвели в тыл и расквартировали в районе Одесса – Вознесенск – Березовка²⁰⁵.

Одновременно было развернуто формирование 2-й сербской добровольческой дивизии в составе более 11 тыс. человек, а затем обе дивизии были сведены в Сербский добровольческий корпус. Его командиром был назначен генерал М. Живкович. Штаб корпуса находился в Одессе²⁰⁶. Для удобства управления состав этого формирования определили по российскому образцу: две дивизии (каждая из четырех полков трехбатальонного состава) и запасной батальон²⁰⁷. К началу 1917 г. в рядах корпуса находилось около 40 тыс. человек²⁰⁸.

Российское командование рассматривало Сербский корпус как самостоятельное воинское формирование армии государства-союзника по Антанте. Находившееся в изгнании правительство Сербии придавало сербским войскам в России не только военное, но и политическое значение²⁰⁹.

Комплектование сербских частей столкнулось с трудностями. Многие военнопленные высказывали справедливые опасения за судьбы своих семей в Австро-Венгрии. Кроме того, многие пленные южные славяне были «хорошо обустроены на полевых работах у сельских хозяев» (аналогично ситуации с чехами и словаками). Из-за нехватки добровольцев российские власти пытались привлекать пленных в сербские войска в принудительном порядке (таковых прозвали «силовольцами»)²¹⁰.

Однако наиболее критическими были политические проблемы. В корпусе сложилась нездоровая атмосфера, обусловленная этнорелигиозными проблемами, свойственными для южнославянского мира. Привлечение во 2-ю сербскую дивизию добровольцев – выходцев из Хорватии и Словении – осенью 1916 г. вылилось в беспорядки на основе межнациональной розни. Усилению конфликтной атмосферы в корпусе способствовали политические и иные разногласия в офицерской среде. Правительство Сербии, командование ее армии на Корфу и корпуса в России понимали, какой вред могут нанести конфликты в войсках на межнациональной почве не только боеспособности Сербского корпуса, но и идее объединения южных славян, создания их единого государства. Были сделаны попытки найти пути устранения этих конфликтов – в частности, название корпуса изменили на «Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев». Однако гармонизировать отношения военнослужащих разных национальностей в корпусе и предотвратить их значительный отток не удалось²¹¹.

После февраля 1917 г. в Сербском корпусе появились сторонники революции. Летом того же года они стали массово покидать корпус, и в нем осталось около 20 тыс. человек. В августе 1917 г. 1-я сербская дивизия была направлена в Бессарабию как резерв на Румынском фронте, а позднее сербские части были выведены из России и переброшены на Салоникский фронт²¹². Значительное число солдат и офицеров, покинувших ряды корпуса, вступили в иные

²⁰⁴ Бабац Д.М. Указ. соч. С. 107–108.

²⁰⁵ Вишняков Я.В. Указ. соч. С. 49.

²⁰⁶ Бабац Д.М. Указ. соч. С. 108.

²⁰⁷ Вишняков Я.В. Указ. соч. С. 48.

²⁰⁸ Бабац Д.М. Указ. соч. С. 108.

²⁰⁹ Вишняков Я.В. Указ. соч. С. 48.

²¹⁰ Вишняков Я.В. Указ. соч. С. 49–50.

²¹¹ Там же. С. 49, 51.

²¹² Бабац Д.М. Указ. соч. С. 109.

воинские формирования и участвовали в Гражданской войне в России по разные стороны баррикад²¹³.

²¹³ Вишняков Я.В. Указ. соч. С. 52.

Глава 4

Иностранцы и представители «зарубежных» национальностей в Красной армии в 1918–1941 гг

В период между Февралем и Октябрем 1917 г. армию охватил бурный процесс, именовавшийся *национализацией*. Фактически речь шла о стихийном переформировании воинских частей и соединений по национальному признаку. Национализация отражала политическое стремление этносов рухнувшей империи стать полноценными субъектами российского и международного политического пространства. По некоторым оценкам, к концу 1917 г. национализация так или иначе затронула без малого 53 пехотные, 6 кавалерийских дивизий и массу отдельных пехотных, кавалерийских, технических, запасных и прочих частей²¹⁴. Правда, далеко не везде этот процесс дошел до сколько-нибудь завершённых организационных форм – всеобщий хаос в полной мере сказался и на этой сфере.

Особенно интенсивно национализация войск протекала в национальных регионах империи и на так называемых «дальних» фронтах – Румынском, Юго-Западном и Кавказском. Временное правительство и командование русской армии не смогли помешать этому процессу и вынуждены были включиться в него, лелея ложную надежду на то, что перегруппировка военнослужащих по национальностям поможет укрепить моральный дух войск²¹⁵.

Проблема национализации коллапсирующей русской армии по наследству перешла к большевистской власти. К началу 1918 г. стало очевидно, что этот процесс прочно стал на службу возникавших на осколках империи национальных государств. Они символизировали и воплощали собой центробежные силы, движимые укреплявшейся этнополитической идентичностью окраин. За редким исключением, национальные части заняли противоположный большевикам военно-политический лагерь. Уже в январе 1918 г. в бой с советской властью вступили части Польского корпуса И.Р. Довбор-Мусницкого, совсем недавно сформированного в составе русской армии. А мятеж Чехословацкого корпуса, вспыхнувший в мае 1918 г., и вовсе поставил советскую власть на грань выживания.

В первые месяцы 1918 г., когда речь шла о спасении революции, большевики искали себе любую вооруженную опору. До конца мая 1918 г. продолжался оказавшийся тупиковым добровольческий период строительства Красной армии. Набор добровольцев шел крайне сложно. К концу апреля добровольческая Красная армия насчитывала лишь 195,9 тыс. человек²¹⁶. Первый обязательный набор в Красную армию состоялся во второй половине июня 1918 г., но на численности армии это сказалось не сразу.

В литературе можно встретить гипертрофированное представление о месте и роли интернациональных формирований, особенно в первый период Гражданской войны, когда якобы интернационалисты – латыши, венгры, поляки, чехи, финны – «составляли костяк формировавшейся Красной армии»²¹⁷. Данное утверждение верно, пожалуй, лишь в отношении латышских частей: Латышская стрелковая дивизия русской армии, почти в полном составе перешедшая на сторону советской власти, представляла собой мощную силу: в октябре 1917 г. в ней насчитывалось около 23,5 тыс. человек. В первой половине 1918 г., когда большевики еще не имели иной организованной вооруженной силы, латышские стрелки участвовали во всех

²¹⁴ Шевяков Т.Н. «Национализация» русской армии в 1917 году // Вторые петербургские военно-исторические чтения молодых ученых. СПб., 1998. Вып. 2. С. 37.

²¹⁵ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 436–437.

²¹⁶ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 4. М., 1978. С. 20.

²¹⁷ Дёмингхаус В. В тени «Большого брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М., 2011. С. 80.

боях Гражданской войны (стычки с Польским корпусом И.Р. Довбор-Мусницкого в январе, отражение германского наступления на Петроград в марте, ликвидация анархистских и лево-эсеровских выступлений в Москве в марте – апреле и июне, подавление ярославского мятежа в июле). Наконец, латышские стрелки сыграли ключевую роль в боях с чехословаками под Казанью и фактически спасли советскую власть от разгрома.

Латышские части, являясь осколком русской армии, были воплощением угасавшего вместе с самой русской армией тренда национализации, которым, как отмечено выше, в основном воспользовались центробежные националистические силы, а не большевики, объективно занимавшиеся «собираанием» земель бывшей Российской империи.

Однако новая власть нашла свой полноводный источник для формирования «интернациональных» войск в составе Красной армии. Как и другие политические силы, большевики постарались «оседлать» национальный фактор, но на принципиально новой – интернационально-классовой – основе. Несмотря на наличие общего этнического критерия подбора военнослужащих, в основе большевистских «интернациональных» войск лежала противоположная интенция – «классовый интернационализм» занял место «этнического эгоизма». Большевистское руководство рассчитывало не только на помощь иностранцев в защите социалистической революции в России, но и на то, что они осуществят «право красной интервенции» в сопредельных странах Европы (Венгрии, Германии, Чехословакии, Польше), выполнив роль застрельщиков революции.

Интернациональные войска Красной армии питались идеологией, лежавшей вне русского имперского фронта, – идеей классового единства и разлитой в воздухе мечтой о мировой революции. Понятие гражданства/подданства и национальности не было определяющим для участия в вооруженной борьбе на стороне большевистской власти. Первая советская Конституция, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., отказывалась от понятия гражданства/подданства как основополагающего правового признака человека. «Исходя из солидарности трудящихся всех наций» она предоставила «все права российских граждан» иностранцам – правда, представлявшим только трудовые классы. При желании эта категория иностранцев могла получить формальное российское гражданство немедленно, «без всяких затруднительных формальностей» (ст. 20 Конституции РСФСР 1918 г.). Речь шла о фактической конституционной отмене института национального и иностранного гражданства – по меньшей мере в отношении представителей трудовых классов²¹⁸.

Немалое число иностранных граждан, вступавших в ряды Красной армии, являлись военнопленными Первой мировой войны, то есть военнослужащими армий, еще недавно воевавших против России. Их численность оценивалась более чем в 500 тыс. человек²¹⁹. Однако интернациональный подход большевиков предполагал, что вчерашние враги – военнопленные немецкой, австрийской, венгерской, чешской национальностей – отныне не считались врагами, если принимали советскую политическую платформу. Важнее была не национальность, а классовый облик иностранных волонтеров. И с этой точки зрения они были даже ценнее русских красноармейцев, поскольку в среде военнопленных, с одной стороны, достаточно широка была прослойка представителей промышленного пролетариата, с другой – относительно высок был уровень образования. И то и другое считалось факторами *сознательной* поддержки русской революции и вступления в ряды Красной армии²²⁰.

В марте – апреле 1918 г. в Петрограде, Москве и в других городах стихийно возникали комитеты (группы) военнопленных-интернационалистов, а 13 апреля в Москве прошел Все-

²¹⁸ Белковец Л.П. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939 гг.). Первая часть // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 301.

²¹⁹ Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922). М., 1957. С. 10.

²²⁰ Полтораки С.Н. Иностранцы в Красной армии в 1918–1922 гг.: опыт и уроки общественно-политической и боевой деятельности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992. С. 8–10.

российский съезд военнопленных, на котором обсуждалось создание всероссийской организации иностранных военнопленных. В мае 1918 г. иностранные группы РКП(б) объединились в Федерацию иностранных коммунистических групп (ФИГ) при ЦК РКП(б).

24 апреля 1918 г. было опубликовано «Положение о социалистическом интернациональном легионе», который формировался «путем добровольчества из числа сознательных революционных интернационалистов, говорящих на английском, французском, немецком и другом языке и стоящих на платформе защиты завоеваний Октябрьской революции и Советской власти». Легион должен был строиться «на общих основаниях» с прочими частями Красной армии²²¹.

Однако на деле интернациональные части стали самым пестрым и трудноуправляемым сегментом Красной армии в годы Гражданской войны. В условиях вакуума власти их формирование было предельно децентрализовано. Интернациональные подразделения и части возникали повсеместно, имели различную штатную организацию и подчинялись всевозможным национальным партиям и комитетам, иногда – вне всякого ведома Народного комиссариата по военным делам или Народного комиссариата по делам национальностей и местных органов власти. Перманентная стихийность стала отрицательным качеством процесса строительства интернациональных частей, существенно снизившим его эффективность.

Со второй половины 1919 г. советское военное ведомство предпринимало попытки поставить под свой контроль этот хаотичный процесс, наладив работу единого центрального органа по формированию интернациональных частей Красной армии. 30 сентября 1919 г. приказом РВСР от № 1576/323 военным учреждениям и отдельным лицам запрещалось производить формирования из интернационалистов-иностранцев. Все ранее выданные мандаты на формирование были отменены, а по приказу РВСР № 2129 от 7 декабря 1919 г. формирования воинских частей из интернационалистов-иностранцев производились с ведома специальной Военной комиссии Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б), состоявшей из пяти человек. Отбор кадров производился из числа коммунистов и сочувствующих военнопленных по согласованию с Центральной комиссией по делам военнопленных. Для ведения агитации на соответствующих языках на вербовочных пунктах открывались соответствующие агитационные отделы²²².

Кроме Военной комиссии при ФИГ, в разное время предпринимались и другие попытки построить единый руководящий аппарат для формирования частей из иностранных добровольцев (Комиссия по формированию интернациональных групп РККА при ВЦИК; Управление по формированию интернациональной Красной армии РСФСР; Отделение интернациональных частей при Организационном управлении Всероглавштаба и др.).

В большинстве случаев интернациональные части формировались на добровольной основе при соблюдении классового отбора. Добровольческий принцип в целом соблюдался в течение всей Гражданской войны, однако нередко были и различные способы принуждения (например, партийные мобилизации). Воинские части, комплектуемые иностранцами, могли быть в прямом смысле интернациональными (то есть состоять из представителей нескольких иностранных национальностей) или же комплектовались как мононациональные.

Общей тенденцией развития интернациональных формирований на протяжении Гражданской войны было их укрупнение и сокращение численности; создание межнациональных и национальных высших и местных органов военного управления и формирования; переход на штаты Красной армии; нормативное регулирование правового положения военнослужащих-интернационалистов и т. д.²²³

²²¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 233.

²²² Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 8. Л. 643.

²²³ Краснов В.Г. Создание интернациональных формирований Красной армии в годы Гражданской войны и военной интер-

Иностранные военнослужащие Красной армии стали подспорьем большевикам в вооруженной защите советской власти. По подсчетам советского историка В.Г. Краснова, автора диссертации по истории интернациональных формирований Красной армии, за годы Гражданской войны было создано свыше 510 различных по масштабу воинских единиц совокупной численностью 184 тыс. человек. Самыми распространенными были стрелковые формирования – 434 боевые единицы, 241 из которых являлись «интернациональными» (то есть многонациональными) по составу, 188 – национальными, в том числе 50 – китайскими, 23 – польскими, 20 – югославянскими, 20 – сербскими, 16 – финскими, 14 – чехословацкими, 12 – венгерскими и т. д. Самыми крупными тактическими единицами интернациональных войск были дивизии (6 единиц), бригады (3), полки (65). Отрядов, не имевших четкой организационно-штатной структуры, насчитывалось 149²²⁴. Среди наиболее крупных интернациональных частей следует назвать созданную в сентябре 1918 г. в Москве Западную пехотную дивизию (в июле 1919 г. переименована в 52-ю стрелковую дивизию), основу которой составили польские части, 1-ю Интернациональную стрелковую (июнь – декабрь 1919 г.), Отдельную интернациональную кавказскую (октябрь – декабрь 1920 г.), Интернациональную стрелковую (июнь – октябрь 1919 г.) бригады и др.

Окончание Гражданской войны и интервенции, стабилизация государственных границ РСФСР способствовали более четкому правовому позиционированию иностранцев. Одновременно упрочнялось понятие гражданства лиц, родившихся в бывшей империи – на территории восточноевропейских государств-лимитрофов (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия). Создание государств-лимитрофов было результатом коротких, но ожесточенных войн, состоявшихся в 1918–1921 гг., после которых Советской России пришлось отпустить бывшие имперские регионы восвояси. После этого заключались двусторонние соглашения, обязательным пунктом которых было право выбора гражданства (оптации) для уроженцев государств-лимитрофов²²⁵.

С конца 1920 г. оптанты и иностранцы (под последними понимались лица, не состоявшие в российском гражданстве и не принявшие советского) массово увольнялись из рядов РККА. Поскольку это происходило в контексте общего многократного сокращения армии, военное ведомство не «цеплялось» за иностранцев, а, напротив, было заинтересовано в том, чтобы скорее избавиться от этого контингента. В январе 1921 г. начальник Полевого штаба РВСР П.П. Лебедев сообщал наркому внутренних дел Ф.Э. Дзержинскому, что «удерживать их в Красной армии против их воли крайне невыгодно, ибо ведет к дезертирству и другим отрицательным явлениям». В связи с этим он предлагал их «возможно скорейшее освобождение из рядов Красной армии»²²⁶.

Основная масса увольнений иностранцев состоялась в течение 1921 г., когда Мобилизационным управлением Штаба РККА было принято и обработано около 25 тыс. заявлений²²⁷. Правда, далеко не все они были удовлетворены: поступавшие из военных округов документы, чаще всего по причине их некомплектности, отфильтровывали сначала в Мобуправлении, затем – в Иностранном отделе НКВД. В середине 1922 г. поток заявлений существенно сократился, в связи с чем осенью их прием был прекращен²²⁸.

венции в СССР (1918–1920 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 179–180.

²²⁴ Краснов В.Г. Создание интернациональных формирований Красной армии в годы Гражданской войны и военной интервенции в СССР (1918–1920 гг.). С. 180–181.

²²⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 517. Л. 127–130 об.

²²⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

²²⁷ Там же. Оп. 7. Д. 1005. Л. 110.

²²⁸ Там же. Д. 606. Л. 1; Д. 517. Л. 134.

Почти весь межвоенный период в отношении иностранных граждан из трудовых слоев действовал национальный правовой режим, который распространялся и на собственных граждан²²⁹. Положение о союзном гражданстве от 29 октября 1924 г. закрепляло за иностранцами трудовых классов пользование всеми политическими правами граждан СССР (в том числе правом быть избранным в органы власти)²³⁰. Безусловно, эта законодательная норма диктовалась сохранявшейся надеждой на «мировую революцию», в логике которой гражданство являлось малозначительным барьером на пути к объединению сил мирового пролетариата в общей борьбе. Эта норма повторялась в положениях о гражданстве 1930 и 1931 гг., вплоть до принятия закона «О гражданстве СССР» от 19 августа 1938 г., не подтвердившего прежние, равные с правами граждан СССР, политические права иностранцев.

Военная служба, относившаяся не к правам, а к обязанностям гражданина, в отношении иностранцев регулировалась по-иному. Общепринятой международной законодательной практикой, которой придерживалось и советское законодательство, являлся отказ от привлечения иностранных граждан к обязательной военной службе²³¹.

В то же время возможность *добровольной* службы в рядах Красной армии для иностранцев была законодательно закреплена декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О введении обязательной военной службы» от 28 сентября 1922 г., в статье 6 которого специально оговаривалось: «Добровольцами могут приниматься также и иностранные граждане, выразившие желание служить в русских войсках и принимать участие в защите завоеваний русской революции»²³². Прохождение военной службы регламентировалось теми же правилами, что и для советских граждан.

Однако в целом с окончанием Гражданской войны и интервенции был взят курс на очищение рядов Красной армии от иностранцев, которое, впрочем, как было показано выше, совпадало с желанием многих иностранцев покинуть разоренную войной и междоусобицей страну.

В первой половине 1920-х гг. постепенно закрывались двери, через которые иностранцы могли попасть в ряды советских вооруженных сил: ужесточались требования к документам; усложнялись проверки и согласования; поднимался уровень принятия решения о зачислении иностранца в кадр РККА; обязательной стала политическая рекомендация от партийной организации и т. д. Например, решение о принятии иностранца добровольцем на военную службу принималось индивидуально командующим войсками округа после предварительного согласования кандидатуры заявителя с Иностранным отделом Главного политуправления (ГПУ) при НКВД. Разрешение на поступление иностранца в военно-учебное заведение давало Главное управление военно-учебных заведений, опять же по согласованию с ГПУ (приказ РВСР от 17 апреля 1922 г. № 940)²³³. Военно-учебные заведения (интернациональные военные школы) для иностранцев существовали до второй половины 1920-х гг.

Надежды на «мировую революцию» быстро угасали, постепенно уступая место курсу на социалистическую автаркию внутри отдельно взятой страны. Соответствующим образом корректировалось и законодательство о военной службе. В новом законе о всеобщей обязательной военной службе от 18 сентября 1925 г. «защита Союза ССР» вменялась в обязанность только «гражданам Союза». Раздел XVI закона, регулировавший добровольный прием на военную службу, также не предусматривал такой возможности для иностранцев. В последующих аналогичных законах о военной службе 1930 и 1939 гг. иностранные граждане не упоминались.

²²⁹ Белковец Л.П. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939 гг.) Вторая часть // Юридические исследования. 2013. № 6. С. 270.

²³⁰ Собрание законодательства. 1924. № 23. Ст. 202.

²³¹ Белковец Л.П. Иностранцы в Советской России... Вторая часть. С. 271.

²³² Цит. по: Мовчин Н. Комплектование Красной Армии: Исторический очерк. М., 1926. С. 282–284.

²³³ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 517. Л. 27–27 об.

Тема иностранцев в Красной армии совершенно исчезает из нормативного и делопроизводственного дискурса военного ведомства 1920—1930-х гг. Не обнаружено и никаких статистических данных на этот счет. В свое время привлечение иностранцев было инициировано в самый трудный для строительства Красной армии период – в первой половине 1918 г. Но очевидно, что десятикратное сокращение штатной численности Красной армии сделало избыточным и ненужным привлечение в ее ряды иностранцев, по крайней мере в мирное время.

Тем не менее вопрос сохранял некоторую актуальность, обусловленную скорее не нуждами военного строительства, а политическими обстоятельствами. Забыть о нем не позволяли заметный приток иностранцев в СССР (как политэмигрантов, так и специалистов), а также укрепление Коминтерна и развертывание в разных странах взаимной военной интернациональной помощи по линии компартий. В начале 1930 г. только в РСФСР проживало до 250 тыс. иностранцев²³⁴. Учитывая это, советское руководство прорабатывало возможность набора в случае войны в Красную армию политически дружественных Советскому Союзу иностранцев. В 1932 г. было разработано Положение об иностранцах и о сношениях с заграницей во время войны, одобренное НКВД, НКВМ и ОГПУ²³⁵. На основе этого документа по поручению Совета труда и обороны в Управлении укомплектования и службы войск Главного управления РККА был подготовлен проект Правил о службе иностранцев в РККА в военное время. Проект предусматривал возможность добровольного набора в военное время в ряды Красной армии иностранцев из числа представителей рабочего класса, политэмигрантов, членов «братских компартий». Предусматривался прием как граждан нейтральных Советскому Союзу государств, так и «неприятельских», но по отдельному постановлению правительства. Иностранцы, желавшие вступить в РККА, должны были удовлетворять общим требованиям к службе в армии и иметь положительные характеристики от ОГПУ, партийных и профессиональных организаций (с места работы). Итоговая ответственность за принимаемых иностранцев возлагалась на военкоматы, поэтому «они должны производить прием со всей тщательностью и осмотрительностью»²³⁶. Добровольцам-иностранцам должны были предоставлять право выбора вида и рода войск «в зависимости от... военной и технической квалификации». Они должны были дать подписку об обязательстве прослужить в армии до увольнения из нее сверстников-граждан СССР при демобилизации. Досрочное увольнение предусматривалось только по болезни. Проект правил был разослан для заключения в НКВД, ОГПУ и ряд управлений НКВМ, однако дальнейшее его прохождение не установлено.

Хотя допуск иностранных граждан в Красную армию фактически был уже перекрыт, с середины 1930-х гг. на волне обострения международной обстановки, ужесточения внутреннего политического режима и сопровождавшей его шпиономании началась новая волна ограничений. Место «нежелательных» иностранцев заняли советские граждане, чьи национальности в бюрократической повседневности именовались «иностранными» или «зарубежными». В 1930-х гг. к таковым относили, как правило, нетитульные этносы, чьи этнические ареалы лежали за пределами границ Советского Союза. В конце 1930-х гг. к таковым относили граждан СССР по национальности: немцев, поляков, финнов, латышей, эстонцев, турок, греков и ряд других народов²³⁷. В зависимости от места рождения (в границах СССР или за его пределами) и социального происхождения граждан перечисленных национальностей, достигших призывного возраста, либо вовсе не призывали в армию, либо после призыва направляли в войсковые части внутренних округов или в рабочие колонны²³⁸. Начальствующий состав могли

²³⁴ Белковец Л.П. Иностранцы в Советской России (СССР)... Вторая часть. С. 270.

²³⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 98. Л. 22.

²³⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 98. Л. 24.

²³⁷ РГВА. Ф. 54. Оп. 14. Д. 8. Л. 33.

²³⁸ Главный военный совет РККА... С. 133, 134.

увольнять со службы. Ограничения диктовались «*политико-моральными соображениями*» и носили отчетливый отзвук репрессий по национальному признаку (так называемых «*национальных операций*» НКВД, или «*операций по национальным линиям*»), развернутых с августа 1937 г. и прокатившихся в следующем году по всей стране²³⁹.

С января – февраля 1938 г. «национальные операции» стали одним из главных направлений репрессивной деятельности НКВД²⁴⁰. 24 июня 1938 г. в контексте этих операций было издано постановление Главного военного совета и приказ НКО № 200/ш, предписывавшие уволить из приграничных военных округов комначсостав следующих национальностей: немцы, поляки, латыши, эстонцы, корейцы, финны, литовцы, турки, румыны, венгры и болгары. Надлежало передать всех командиров этих национальностей органам НКВД, если на них имелись компрометирующие материалы.

В 1939–1940 гг. ситуация приобрела новый оттенок. Вместе с присоединенными на западных рубежах территориях балтийских государств, Польши, Бессарабии Советский Союз получил миллионы новых граждан²⁴¹, а значит, и военно-обязанное население. К 1940 г. репрессивные акции НКВД в рамках «национальных операций» завершились. Вслед за этим были значительно ослаблены ограничения в отношении военной службы граждан СССР «иностранных» национальностей, а заодно и новых граждан с присоединенных территорий. Инициатором послаблений выступал Наркомат обороны, заинтересованный в расширении ресурсной базы для укомплектования быстро растущей на рубеже 1930—1940-х гг. Красной армии, численность которой к началу 1941 г. превысила 4 млн человек. В армию принимали не служивших ранее в польской армии жителей бывших польских территорий, отошедших к СССР (Западной Украины и Западной Белоруссии). Карелов и финнов отбирали для намечавшегося в тот период формирования карело-финской национальной дивизии.

Готовился призыв и в Прибалтике. В августе 1940 г. «для осуществления учета военнообязанных и разрешения вопросов прохождения обязательной военной службы» во всех трех Прибалтийских советских республиках образовывалась сеть республиканских, городских и уездных военкоматов²⁴². За призыв граждан, рожденных на вновь присоединенных территориях Латвии, Литвы, Эстонии, Северной Буковины, Бессарабии, в декабре 1940 г. и в марте 1941 г. перед председателем правительства В.М. Молотовым дважды ходатайствовали заместитель наркома обороны С.М. Буденный, а затем и нарком обороны С.К. Тимошенко. Они настаивали на необходимости поставить на учет, приписать к военкоматам и в общем порядке призвать уже в 1941 г. молодежь этих национальностей, в связи с тем что «накопилось» четыре молодых возраста (1919–1922 гг. рождения), не служивших ни в национальных, ни в советской армиях. А между тем, отмечал в своем докладе Молотову Буденный, «эти возраста очень ценны с точки зрения накопления обученных запасов мобресурсов»²⁴³. Их плановый призыв не состоялся в связи с началом войны.

Запрет на службу в строевых частях Красной армии накануне войны сохранялся только для призывников из числа турок, румын, японцев, корейцев и китайцев, которых направляли на службу в рабочие батальоны²⁴⁴.

²³⁹ Эти операции были направлены против немцев, поляков, греков, турок, иранцев, японцев, представителей народов Балтии, болгар, румын и т. д.

²⁴⁰ Савин А. Национальные операции НКВД 1937/1938 // Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. М., 2013. С. 319.

²⁴¹ Точных учетных данных о количестве включенного в состав СССР населения не существует. По оценке советского статистического ведомства (ЦСУ Госплана СССР), численность населения между 17 января 1939 г. (день проведения Всесоюзной переписи) и началом 1941 г. выросла более чем на 23 млн человек (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 54. Л. 3).

²⁴² ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 29. Д. 31. Л. 127.

²⁴³ Там же. Ф. 2. Оп. 11 569. Д. 333. Л. 8—11.

²⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 11 569. Д. 21. Л. 248.

На присоединенных территориях советские власти имели дело не только с военнообязанным населением, но и с армиями государств, частично или полностью включенных в состав Советского Союза. Там, где советизация прошла относительно мирно (страны Балтии) и была оформлена как легитимная интеграция («добровольное присоединение»), эти армии поэтапно интегрировались в состав Красной армии сначала как «народные армии», а в последующем – как территориальные корпуса (29-й – в Литве, 24-й – в Латвии и 22-й – в Эстонии). Корпуса двухдивизионного состава имели по 6 тыс. человек в каждой дивизии (в трех корпусах по штату – 52 843 человека²⁴⁵). «Постепенная реорганизация и последовательная демократизация» национальных армий включала в себя смену генералитета, чистку офицерского и рядового составов от «реакционных элементов» – приверженцев прежнего строя, создание института политических руководителей и развертывание советской, политической и культурно-просветительской работы²⁴⁶.

«Территориальность» означала комплектование корпусов из местных ресурсов, но через один год корпуса предстояло перевести на экстерриториальный способ комплектования личным составом, единый для всей Красной армии. На переходный период в корпусах сохранялась национальная военная форма одежды, но без погон и со знаками различия Красной армии. 23 февраля 1941 г. личный состав корпусов был приведен к военной присяге Красной армии²⁴⁷. Однако начавшаяся война нарушила все планы, и прибалтийские корпуса не окончили реформирования²⁴⁸.

Другой путь, гораздо более драматичный, был связан с польской армией. Как известно, Польша как суверенное государство прекратила свое существование после раздела ее территории между Германией и Советским Союзом в сентябре 1939 г. Оказавшиеся на землях, отошедших СССР, польские войска были интернированы советской стороной.

Следует оговориться, что первоисточники (делопроизводственные документы НКВД) именуют польских военнослужащих, задержанных советскими органами власти в сентябре – октябре 1939 г. в результате акции по присоединению Западной Украины и Западной Белоруссии, *военнопленными* (125 тыс. человек), а польских беженцев из числа военнослужащих и полицейских, задержанных на территории бывших Балтийских государств позднее, в 1940 г., – *интернированными* (4,8 тыс. человек²⁴⁹). Правоприменительная практика в отношении принудительно удерживаемых Советским государством иностранных военнослужащих только начала формироваться. Юридический статус интернированных и военнопленных регулировался 5-й и 13-й Гаагскими конвенциями (1907 г.), а также основанной на их положениях Женевской конвенцией об обращении с военнопленными (1929 г.). Польские военнослужащие, удерживаемые советскими властями с 1939 г., больше попадали под понятие интернированных, поскольку ни Советский Союз, ни Польша не объявляли друг другу войны. Правовой режим интернированных должен был гарантировать сохранение за ними гражданской правоспособности и предполагал более мягкий режим содержания. Именно такой режим был применен в отношении нескольких сотен чехословацких легионеров, перешедших в СССР с территории Польши в это же время, а также к разными способами избежавшим немецкого плена и пересекшим границу СССР 119 французским и 14 британским военнослужащим²⁵⁰. Третий вариант обращения с военнослужащими иностранных государств, прекративших свое существова-

²⁴⁵ Там же. Ф. 7. Оп. 25. Д. 179. Л. 144.

²⁴⁶ Манг К.Х. Создание народной армии в ходе социалистической революции 1940 года в Эстонии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллин, 1971. С. 18.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Ларин П.А. Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Таллин, 1972. С. 37.

²⁴⁹ Военнопленные в СССР... С. 27.

²⁵⁰ Там же.

ние, был продемонстрирован на показанном выше примере Балтийских государств: они были не пленены, не интернированы, а интегрированы в состав Красной армии.

Возвращаясь к полякам, отметим, что единого мнения о численности бывших польских граждан на территории СССР в годы Великой Отечественной войны до сих пор не существует. Советская позиция на этот счет была озвучена В.М. Молотовым 31 октября 1939 г. на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР: на отошедших к Советскому Союзу территориях Западной Украины и Западной Белоруссии проживало 13 млн человек, в числе которых: 7 млн украинцев, 4 млн белорусов, свыше 1 млн евреев и свыше 1 млн поляков. При такой этнической раскладке претензии СССР на эти земли выглядели вполне обоснованными. Современная польская историография придерживается иного счета: на те же 13 млн населения «восточных кресов» приходилось 5,2–5,6 млн поляков, 4,5 млн украинцев, 1,1 млн белорусов, 1,1 млн евреев и свыше 1 млн иных народностей в основном католического вероисповедания²⁵¹. Отметим принципиальную разницу в оценке численности белорусов: Вторая Речь Посполитая, а за ней и современная польская историография считают население Западной Белоруссии в значительной степени колонизированным. Этот сюжет еще будет затронут ниже.

Что касается военнослужащих польской армии, то с опорой на публичные заявления советского правительства по итогам похода Красной армии в Польшу в сентябре 1939 г. в литературе широко распространено мнение, что было интернировано порядка 230–250 тыс. польских военнослужащих²⁵². На деле таковых было существенно меньше. Согласно сводке Управления по делам военнопленных НКВД СССР от 19 ноября 1939 г., всего в распоряжение НКВД поступило 125 тыс. польских военнопленных. Часть из них (белорусы и украинцы по национальности) решениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 и 13 октября 1939 г.²⁵³ была распущена по домам (42,4 тыс. человек); еще часть (из числа жителей западных воеводств, отошедших Третьему рейху) – передана германским властям (43 тыс. человек). Всего к ноябрю 1939 г. в лагерях НКВД и в рабочих подразделениях других наркоматов содержалось 64,2 тыс. бывших польских военнослужащих²⁵⁴. Около 22 тыс. поляков, в том числе несколько тысяч офицеров кадра и запаса, покоились в Катыни и в других местах массовых казней, осуществленных по решению советского правительства весной 1940 г.²⁵⁵

Кроме военнослужащих, еще около 320 тыс. гражданских лиц польской национальности были выселены в восточные и северные районы СССР из Западной Белоруссии и Западной Украины в ходе четырех волн депортации, состоявшихся в 1939–1941 гг.²⁵⁶ Их правовой статус в местах спецпоселений был аналогичен статусу раскулаченных – промежуточный между добровольными переселенцами и заключенными. Они поселялись под надзором комендатур НКВД чаще всего в спецпоселках, построенных ранее раскулаченными при производственных

²⁵¹ Kowalska E. Przezyc, aby wrocic! Polscy zestaricy lat 1940–1941 w ZSRR i ich losy do roku 1946. Warszawa, 1998. S. 32.

²⁵² Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 13.

²⁵³ Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997. С. 94–97.

²⁵⁴ Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 208–210.

²⁵⁵ По решению Политбюро от 5 марта 1940 г. расстрелу подлежали 14 700 «бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков», а также 11 тыс. арестованных поляков, содержащихся в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии (Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. С. 43–44). Согласно записке председателя КГБ СССР А.Н. Шелепина Н.С. Хрущеву от 3 марта 1959 г., всего по решению специальной тройки НКВД СССР 21 857 «лиц бывшей буржуазной Польши» было расстреляно в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., в том числе 14 552 польских офицера, чиновника, помещика и 7305 заключенных тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии (Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 601–603; Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. С. 563–564).

²⁵⁶ Сальков А.П. «Польский вопрос» и западная граница СССР в советской внешней политике (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 1. Минск, 2004. С. 216.

объектах и стройках НКВД. От заключенных их отличало бесконвойное перемещение с разрешения коменданта спецпоселка²⁵⁷.

Осложнение международной обстановки и назревание военного столкновения с гитлеровской Германией ставили на повестку дня использование в грядущей борьбе масс интернированных поляков, а заодно и бывших военнослужащих чехословацкой армии, интернированных в 1939 г. Осенью 1940 г., то есть уже после казни польских офицеров, советские спецслужбы по указанию И.В. Сталина прорабатывали возможность формирования польского соединения на территории СССР, для чего в лагерях НКВД СССР бы произведен учет контингента военнопленных поляков, а также осуществлена фильтрация высшего и старшего офицерства и проведены предварительные беседы на предмет выяснения их политической позиции – в частности, отношения к эмигрантскому правительству В. Сикорского, Германии, Англии и Франции. Был отобран костяк старших офицеров, готовых к сотрудничеству с советскими властями, которым предлагалось «переговорить в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях для военнопленных поляков и отобрать кадровый состав будущей дивизии»²⁵⁸. Судя по докладной записке Л.П. Берии, направленной И.В. Сталину 2 ноября 1940 г., указания последнего находились в стадии практической проработки не только сотрудниками спецслужб, но и «специально выделенными работниками» Генерального штаба Красной армии.

Побудительным мотивом к проработке вопроса о польском воинском формировании в СССР могло служить не только все более четкое осознание неизбежности войны с гитлеровской Германией, но и концептуальное положение о ведении войны «на чужой территории». Это означало, что театру военных действий предстояло находиться на польских землях и вне зависимости от сценария начала войны (превентивно-наступательного или контрнаступательного) не было бы лишним располагать польской воинской частью, которая потенциально могла бы выступать от имени «какого-то польского государственного или квазигосударственного образования... во главе с людьми (необязательно коммунистами), признающими абсолютное доминирование СССР»²⁵⁹.

²⁵⁷ Васильченко Т.Е. Польские граждане на Европейском Севере СССР: от депортации к амнистии и репатриации (1939–1946 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 17–19.

²⁵⁸ Советско-польские отношения... Т. 4. С. 125–127.

²⁵⁹ Дуранинский Э. Польша в политике Москвы 1939–1941 годов: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика, 1939–1941. М., 2000. С. 60. В польской литературе отмечаются укладывающиеся в эту парадигму характерные признаки потепления советской политики в отношении поляков, начавшегося с лета 1940 г.: приостановка депортаций «кресовых» поляков, оживление польской культурной жизни, разрешение католических богослужений во Львове и т. д. В поисках «польского Паасикиви» налаживались контакты с авторитетным польским общественно-политическим деятелем, жившим во Львове, профессором К. Бартеlem (Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku... S. 16–17). В целом смысл этой «загадочной эволюции» в польской политике СССР, конец которой положило начало войны, историкам пока не ясна (Сальков А.П. Указ. соч. С. 227).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.